

Annotation

Не броди одна по ночам! Не спасай раненых незнакомцев! Не оставляй магические следы! Потому что в мире, где магия под запретом, каждый, в ком есть хоть крупица Дара, скрывает его.

Я нарушила все три правила. Потеряла дом и родных. Мне пришлось бежать с маленьким сыном в другую страну, сменить имя и внешность.

Но от карающей длани закона не скрыться.

Йеванн Райс – королевский дознаватель. Тот, кто преследует магов

и лишает их Дара. Тот, кого я исцелила себе на беду.

Я надеялась, что мы больше не встретимся. Но вот он стоит у меня на пороге с королевским приказом в руках...

Углицкая Алина

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Углицкая Алина

История одной (не)любви

Глава 1

История одной (не)любви. Немного нежная, немного печальная. С капелькой обреченности. Но с гарантированным счастливым концом.

* * *

Утренняя тишина взорвалась чудовищным грохотом. Кто-то ломился

в дверь.

Дея вздрогнула, отрываясь от шитья, подняла голову.

– Именем императора, открывайте!

Вот

и все.

Ее губы раздвинула грустная, понимающая улыбка.
Нашли.

А она так надеялась, что этого никогда не случится. Целых два
года
жила верой в то, что о ней забыли и
перестали искать.

Как же она ошибалась!

– Мама? – трехлетний Ноэль оторвался от игрушек и посмотрел
на
нее.

В его огромных голубых глазах отразился вопрос.

– Все хорошо, милый, все хорошо, – пробормотала Дея, не веря
своим
словам. – Я сейчас...

На секунду ее охватила робкая надежда.

А что, если затаиться, сделать вид, что дома никого нет? Может,
стражи порядка постучат для приличия и уйдут?

Нет, скорее, они выбьют двери. А ей все равно бежать уже некуда.

Последние деньги ушли на поддельные документы для нее и Ноэля.

Поднялась, потрепала сына по вихрастой головке. Волосы у него
были ее – льняные, волнистые. А вот глаза достались от отца. У
самой Деи, несмотря на светлые волосы, глаза были черными. Шурша
юбками,

она поспешила вниз.

Зачем откладывать неизбежное? Зачем растить в себе
несбыточную
надежду? Пусть все закончится здесь и
сейчас...

Лучше так, чем жить в вечном страхе.

Внизу, в холле, стояла перепуганная служанка.

– Миледи...

– Катарина, иди к Ноэлю, – Дя улыбнулась ей, стараясь
вложить
в улыбку ту уверенность,
которой не ощущала.

Подобрав подол длинного платья, горничная поспешила наверх.
Дея

тихонько вздохнула.

У Катарины доброе сердце, она присмотрит за Ноэлем. Да его и не тронут, если... если...

Если его мать согласится на то, от чего так долго бежала.

В дверь продолжали барабанить даже тогда, когда Дея уже открывала засов. Будто тот, кто стоял за порогом, хотел снести к бесам дубовое полотно.

Щелкнул замок. Дверь распахнулась, скрипнув ржавыми петлями.

И этот скрип отозвался в сознании Деи пронзительным эхом.

Она не ошиблась.

Перед ней, щурясь от яркого зимнего солнца, стоял высокий блондин
в форме имперского
дознателя.

Черный камзол с тусклыми оловянными пуговицами в два ряда, длинный плащ цвета пролитой крови, подбитый песцом... Перчатки. Тяжелый перстень с черным агатом – если увидел хоть раз, невозможно забыть.

Черная Смерть – так называли дознавателей в народе. Это прозвище подходило им больше всего. Ищейки, поставившие магию на службу закону и уничтожающие любого, кто посмеет встать у них на пути.

За его спиной неловко топтали снег стражи городского порядка. Старательно отворачивались, делая вид, что их не касается то, что здесь происходит.

– Диана Клери? Или, лучше сказать, Дея Вейлисс?

Голос дознавателя оказался сиплым, будто простуженным.

Пронзительный взгляд уперся в ее лицо. Прошелся, отмечая каждую
черточку. Равнодушный, холодный. Взгляд
разума без души.

Дея сжала похолодевшие пальцы.

Он назвал ее настоящее имя. Причем, это был не вопрос. Он точно знал, кого видит перед собой.

Ей захотелось поежиться, отпрянуть назад, в спасительное тепло дома. Захлопнуть дверь, оставляя прошлое в прошлом...

Но она осталась стоять.

Потому что этот голос она уже слышала. Два года назад.

И это лицо уже видела. Пусть тогда оно было покрыто слоем грязи и крови, но этот надменный гордый профиль, эти густые черные брови вразлет, глаза цвета пепла и плотно сжатые губы невозможно забыть.

В прошлый раз встреча с этим мужчиной заставила ее бросить дом
и бежать сломя голову за море с годовалым сынишкой на руках.

Два года она скрывалась. Два года лелеяла надежду, что ее не найдут, что о ней забудут...

Но нет. В Иллурии никогда не забывают о тех, в ком есть хоть крупинка
Дара.

Ей ли не знать?

– Вы пришли арестовать меня, офицер? – грустно усмехаясь, она
протянула ему тонкие запястья.

Замерла, ожидая, что он достанет сейчас и защелкнет на ее руках браслеты
из оникса и тантала, что отрезают доступ к магии.

Но дознаватель даже не взглянул на ее руки. Уронил ей в ладони серый конверт, скрепленный гербовой печатью.

Не меняя тона, ответил:

– Нет. У меня приказ жениться на вас, леди Вейлисс.

Дея, как в полусне, уставилась на двуглавого льва – символ Иллурии. Ее сердце болезненно сжалось.

Когда-то ей уже приходилось видеть эту печать.

В тот день, когда в дверь ее дома вот так же постучали дознаватели. Только тогда они пришли не за ней. За Бертраном – ее супругом.

Императорские ищейки унюхали магический след и шли за ним до самого дома.

В тот день судьба Деи перевернулась. Она лишилась единственного человека, который стоял между ней и враждебным миром. Он взял вину на себя, хотя это она была виновата. Это

она
использовала магию. Она привела дознавателей в дом.

Она помнила, как Берт прижал ее к себе на секунду, поцеловал в макушку и шепнул одними губами:

– Береги сына!

Помнила, как ему надевали наручники, как выводили...

Спустя несколько дней ей сообщили, что он умер. Берт отказался работать на империю, и его просто лишили магии. А вместе с магией лишили

и жизни...

Так бывает, сердце не выдержало.

– Вы позволите мне войти в дом? – голос дознавателя заставил ее очнуться.

Вздрагнув, она вскинула голову и выронила конверт. Суетливо присела, собираясь поднять, и мысленно поблагодарила Праматерь за эту заминку.

Пальцы Деи почти коснулись бумаги, когда на конверт тяжело опустился

черный, начищенный ваксой сапог. Тихо

звякнула шпора.

– Поднимайтесь, леди, – все так же негромко проговорил дознаватель.

– А то мне понравится

видеть вас у своих ног.

В его тоне не мелькнуло ни единой эмоции. Но Дея не могла отделаться от мысли, что он смеется над ней.

Она резко выпрямилась, сжала пальцы в замок, чтобы незванный гость

не увидел, как дрожат ее руки.

– Извините, сударь, но я не приглашаю незнакомцев в свой дом, – произнесла как можно решительнее.

Раз он не собирается ее арестовывать, значит, ему здесь нечего делать. Пусть убирается в тот ад, из которого выполз!

– Ну так, давайте познакомимся. Йеванн Эвинделл Райс – императорский дознаватель седьмой степени, офицер тайной полиции, к вашим услугам. Как вас зовут, леди Вейлисс, я уже знаю.

Равнодушные пепельные глаза остановились на ней. Мертвые глаза.

В глубине его зрачков царила бесконечная пустота. Будто перед ней
стоял не живой человек, а его оболочка.

– Мне без разницы, как вас зовут, – процедила Дея, чувствуя, как
на смену страху приходит гнев.

Он даже не поклонился ей, как того требуют приличия. Что ж, зато теперь она знает его имя.

Имя человека, который разрушил ее семью. Того, которого однажды так опрометчиво спасла от смерти.

Все это время, вынужденная бежать и скрываться, она задавалась одним и тем же вопросом: почему тогда не прошла мимо? Почему,

услышав стоны, просто не заткнула уши и не убежала, как должна была
сделать. Ведь ее никто не просил о помощи!

Да и знала же, что нельзя.
И все равно сделала это...

– Вы замерзли, леди Вейлисс. Мне не нужна больная жена.

Мужчина, разрушивший ее жизнь, снял с себя плащ и накинул ей
на
плечи.

Дея не успела ни воспротивиться, ни помешать. Машинально вцепилась в плащ, краем сознания отмечая, что дрожит от
переполняющих
ее эмоций и декабрьского
мороза.

Она и вправду замерзла. Здесь, в Шенвейсе, в отличие от вечно теплой
Иллурии, стояла зима.

Дознаватель аккуратно втолкнул ее в дом. Оглянулся на стражей:

– Свободны.

– Но, сэр, у нас четкий приказ, оказать вам любое содействие...

– Вы его уже оказали. Дальше я сам.

– С чего вы взяли, что я выйду за вас? – встрепенулась Дея, едва захлопнулась
дверь, отрезая их от улицы и
людей.

– Приказ императора.

– Мы не в Иллурии! Я подданная Шенвейса.

– Уверены, что останетесь ею, когда станет известно о вашем истинном имени? Вы вернетесь в Иллурию.

– Ни за что!

Йеванн не торопился. Он осмотрел маленький светлый холл, отметил недорогую, но со вкусом подобранную мебель, перевел взгляд на лестницу, украшенную цветущей геранью.

– Наверху, полагаю, ваш сын?

Он не успел сделать и шага. Дея наседкой набросилась на него.

Выпорхнула под самые ноги, загоразивая проход.

– Вы не посмеете его тронуть! – зашипела рассерженной коброй.

– Только попробуйте!

– И что? Выцарапаете мне глаза вашими милыми ноготками?

Движение

дознавателя было резким, практически незаметным.

Дея жалобно охнула, когда его пальцы с силой сжали ее запястье.

Теперь мужчина нависал над ней опасной, готовой вот-вот обвалиться скалой. За его внешним спокойствием бушевала первозданная Тьма, расчерченная багровыми искрами.

Она клубилась в его глазах, потрескивала на волосах, искрилась на кончиках пальцев...

Дея внутренне сжалась.

Она даже не поняла, когда он сорвал перчатку с руки. Но сдаваться по-прежнему не желала. Этот Йеванн обязан ей жизнью! Видимо,

пришло время напомнить про долг.

– Пустите меня!

Она попыталась вырваться, но хватка только усилилась.

– Не так быстро, моя дорогая, – выделил маг с легкой издевкой. – Вы же не против, если я буду вас так называть.

– Против! Вы забыли, чем обязаны мне? Я спасла вашу жалкую

жизнь!

Это был последний аргумент.
Йеванн холодно усмехнулся.

От этой усмешки по спине Деи пополз озноб.

– Замечательно, что вы это вспомнили. Но с чего вы решили, что я должен быть вам благодарен? О нет, моя дорогая. Поверьте, лучше бы я умер тогда. Своей непрошенной помощью вы превратили мою жизнь

в ад, а меня в чудовище.

Последние слова он почти прорычал.

Резким движением развернул ее, будто в танце, обхватил за талию и крепко прижал к себе. Теперь тела их соприкасались так плотно, что Дея

почувствовала сквозь корсаж, как впиваются в грудь его пуговицы.

– Пожалуйста! – выдохнула, упираясь ладонями в его плечи и пытаюсь толкнуть.

Но он даже не сдвинулся с места.

Просто стоял, наслаждаясь ее паникой и ощущением хрупкого женского

тела в своих руках.

А потом склонился так низко, что его дыхание коснулось ее щеки.

И завораживающе прошептал:

– У вас нет выбора, моя дорогая. Через три дня в главном храме Иллурии состоится наше венчание. Сам император Венарий будет присутствовать на нем. Но это всего лишь формальность. Знаете, что в том конверте?

Его шепот заставил ее дрожать от бессилия. Каждое слово вызывало протест. Даже запах, исходящий от него – запах мороза вперемешку

с запахом меха и кожи –

казался отталкивающим.

Она замотала головой:

– Не знаю и знать не хочу!

– А зря.

Теперь его губы оказались напротив ее. Так близко, что их дыхание смешалось.

Она попыталась уклониться, но его рука властно легла на ее затылок.

– Там документ, подписанный императором и скрепленный его личной печатью. По закону Иллирии и всех подчиняющихся ей государств мы с вами уже два года как муж и жена. Но вы заставили меня изрядно побегать за вами!

Его поцелуй оказался внезапным и злым, губы обветренными и сухими.

Дея не успела отпрянуть. Не успела защититься. Все случилось в один момент.

Острые зубы куснули ее за губу. Язык надавил, заставляя приоткрыть рот. Однодневная щетина царапнула Дею.

Этот мужчине не целовал. Он даже не пытался быть нежным. Он наказывал и клеймил. Причинял ей страдание. Будто мстил за что-то.

Толкнул ее к ближайшей стене, точно портовую шлюху. Навалился, раздвигая ей ноги и втискиваясь между них. Его твердые бедра вжались в нее, и даже сквозь ворох юбок Дея ощутила его напряжение.

В первый момент она просто оторопела. Растерялась от внезапного натиска. Он буквально насилует ее ртом, не давая сделать ни вдоха.

Пока сверху не раздался топот маленьких ног, и детский голос не произнес:

– Мамочка?..

Дальнейшее Дея помнила как в тумане. Видимо, ее разум попросту отключился на какое-то время. Зато проснулся инстинкт.

Ее рука взлетела сама собой. Ладонь обожгло от хлесткой пощечины. Пальцы на миг ощутили мужскую колючую кожу...

И тут же хватка чужих жадных рук резко ослабла. Йеванн ее отпустил.

Буквально миг они прожигали друг друга глазами. Серые против черных, сумерки против бархата ночи.

А потом она бросилась к сыну. Взлетела по ступенькам, упала на колени, схватила его и зарылась губами в макушку. Замерла. Вдохнула сладкий запах, такой родной и знакомый.

– Все хорошо, мой милый, все хорошо.

Сверху уже спускалась перепуганная Катарина.

– Простите, миледи, – служанка едва не плакала, – я не смогла его удержать.

– Ничего. Все нормально. Возвращайся наверх.

Дея
прижала сына покрепче.

Праматерь Эола, кого она пытается убедить?

Йеванн продолжал смотреть на нее. Она чувствовала спиной его взгляд.

О нет, в нем магии гораздо больше, чем в ней. Густая, плотная, с металлическим привкусом крови.

Магия дознавателей.

А магия самой Деи – нежная, теплая, как байковое одеяло. Она согреет

в мороз, вылечит от болезней,
принесет свежий ветер в жару...

Ноэль захрипел, выпутываясь из объятий. Дее пришлось его

отпустить.

Ее сынишка, несмотря на свой возраст, вполне самостоятельный парень.

И ужасно не любит разные
нежности.

– Мама, кто этот дядя?

Дея вздрогнула и обернулась.

Йеванн стоял прямо у нее за спиной и внимательно разглядывал Ноэля. Слишком внимательно. А она даже не почувствовала его приближения!

На его бледной щеке горели следы ее пальцев.
Повисло молчание.

– Похож на отца, – наконец, произнес дознаватель. – Магия уже

проснулась?

Дея медленно поднялась. Задвинула упирающегося мальчугана за спину.

– Вы не сделаете этого с моим сыном! – произнесла тихим злым

голосом. – Только не с ним!

– Тогда не буяньте и делайте то, что вам приказано. Через три дня

мы должны быть в Иллурии.

Он протянул ей тот самый злополучный конверт.

Глава 2

Дея все-таки распечатала письмо.

Он не соврал, ее навязанный муж.

В конверте лежал брачный договор, заверенный подписью и печатью императора Венария. Датированный двухлетней давностью. И, если верить числу, она стала супругой этого мужчины буквально на третий день после смерти Бертрана.

– Значит, Венарий лишил меня даже положенного траура? – невеселая усмешка скользнула по ее губам. – Так спешил соединить наши души?

Как подданная Иллурии, она попадала под протекторат императора. После смерти Бертрана у нее не осталось никого из родственников мужского пола. Малолетний сын был не в счет. А потому теперь Венарий решал, как ей жить, с кем и где. Ее судьба была в

его руках.

И он легким росчерком пера выдал ее за своего офицера. Темного мага. Убийцу, у которого, наверняка, руки по локоть в крови.

Но зачем?

Дея искала и не могла найти причины такого поступка.

А может, она чего-то не знала?

– Чего вы хотите? – комкая бумагу, она прижала руки к груди. Йеванн жадно уставился на ее кисти.

Тонкие, белые, с длинными музыкальными пальцами. Такими руками только ласкать мужчин да извлекать звуки из арфы.

Но гораздо больше его влекло то, что она сейчас невольно прикрывала

ладонями.

У этой юной вдовы роскошное тело.

Йеванн повидал на своем веку достаточно женщин, его не могло обмануть скромное вдовье платье. Но, похоже, девушка, стоявшая

перед ним, и сама не знала, как хороша. Или не хотела этого знать.

– Я дам вам время до утра, – проговорил он, неторопливо раздевая ее взглядом и наслаждаясь увиденным. – На рассвете мы отправимся

в путь.

– А если я откажусь?

Он усмехнулся. Его усмешка напомнила ей оскал голодного зверя.

– Вы знаете, что тогда будет. Мне придется лишиться вас магии и забрать ребенка. Потому что после... м-м-м... процедуры вы будете не в состоянии о нем позаботиться. А императорский сиротский приют станет ему новым домом.

Дее показалось, что она задыхается. Ей хотелось рвануть корсаж так, чтобы пуговицы заскакали дробью по полу. Глотнуть воздух, который вдруг почему-то застрял в груди. И закричать во все горло...

Потому что он прав. Да, она это знала.

Он офицер, а значит, достаточно сильный, чтобы забрать ее Дар. Но вместе с Даром она лишится и памяти. Забудет не только собственное имя, но даже как есть и пить.

Ее отправят куда-нибудь в пограничную крепость. Беспомощную и жалкую. А там у нее одна участь: либо прислуживать кому-то и мыть горшки, либо греть чью-то постель.

Ни того, ни другого она не хотела.

Но

он в своем праве.

Мелькнула мысль, что можно сбежать. Вытащить узелок с золотом и остатками украшений, что еще не успела снести в ломбард. Закутать Ноэля в теплое одеяльце и уйти через черный ход...

Только куда?

Ее будут искать.

Он будет искать. И найдет так же, как нашел в этот раз, только теперь

намного быстрее.

Мысли метались, ища пути к отступлению и выдавая одну идею бредовой другой. Но Дея была реалисткой. Она понимала: перед ней стоит хищник, учуявший запах добычи. И его невозможно сбить со следа.

На улице зима. У нее нет ни родных, ни друзей, готовых спрятать беглянку. Нет денег, чтобы пересечь границу, да еще с малышом на руках. Она даже не может использовать магию, потому что не властна

над ней!

Она сама загнала себя в ловушку.

– Хорошо, – Дея уронила руки, и смятый листок выпал из ее ослабевших пальцев. – Я согласна.

– Замечательно.

– А теперь оставьте меня, сударь. Я устала.

Йеванн проследил, как брачный договор спланировал на пол.

Нагнул и поднял его. А потом аккуратно разгладил.

– Где у вас кухня? – произнес, будто не слыша последних слов.

– Не откажусь от бокала бренди. На улице, знаете ли, декабрь, а я изрядно замерз.

– Я не предлагала вам здесь остаться, – выдавила Дея помертвевшими губами.

Она-то надеялась, что избавится от него хотя бы до утра. Что он даст

ей время прийти в себя и осознать все случившееся.

Но он, похоже, не собирался играть в благородство.

– А я вас и не прошу. Но, поскольку мы с вами супруги, как вы уже

имели честь убедиться, я в своем праве.

– Вы не посмеете...

– Неужели? – он ухмыльнулся ей прямо в лицо. – И кто же меня остановит?

Она не ответила. Молча развернувшись, взяла присмирившего сына

за руку и направилась вниз.

* * *

Ноэль вел себя очень тихо, что было на него совсем не похоже. Прятался за материнскую юбку и оттуда украдкой бросал на гостя восхищенные взгляды. Загадочный незнакомец его привлекал, как мотыльков привлекает пламя свечи.

В их доме практически не бывало мужчин. Отца Ноэль совершенно не помнил, знал только мистера Доббса, что сдавал им жилье, и Шарля – мальчишку-посыльного из бакалейной лавки на

углу. Он приносил им по вторникам корзинку с яйцами и молоком, а по пятницам

с сыром и зеленью.

Иногда они с матерью ходили гулять в городской парк, расположенный неподалеку. Там был фонтан, сделанный в виде дельфина, а вокруг него стояли деревянные лавочки, на которых сидели старички и старушки. Они подкармливали хлебом голубей, что в жару плескались в фонтане.

Но зима спрятала лавочки под снеговым покрывалом. Вода в фонтане замерзла. Куда-то исчезли все старики, а парк стал пустым и

холодным.

И Ноэлю уже совсем не хотелось туда ходить. Ему больше нравилось сидеть у камина, слушая, как потрескивают дрова, и следить за танцем маленьких огненных фей.

Мама сказала, что это саламандры. Духи огня. И что только особые люди могут их разглядеть. Такие как он, как она. Те, кто родился

с Даром.

Ноэль уже знал, что ни мистер Доббс, ни Шарль, ни добрая Катарина, от которой вкусно пахнет сладкими леденцами и ванильными булочками, саламандр не видят. Они не видят ни прозрачных силфид, что кружат в небе стайкой стрекоз. Ни дриад с волосами цвета первой листвы и искрящимися изумрудными крылышками.

И с ними об этом нельзя говорить. Потому что есть мир тайный, созданный для таких, как Ноэль и его мама. А есть мир явный. Тот, что существует для всех.

Но сейчас в поле зрения мальчика появилось новое действующее лицо. Незнакомец с жестким, будто высеченным из камня лицом. У него светлые волосы, но не такие светлые, как у мамы. Черные брови, черный мундир, красный плащ и красивые блестящие пуговицы, на каждой

из которых выдавлен двуглавый

лев.

Только увидев их, Ноэль понял, что должен заполучить это сокровище! Он даже сжал вспотевшие от волнения кулачки.

Мама назвала гостя сударем, значит это очень важный человек. Важнее, чем мистер Доббс. Вряд ли он захочет поделиться своими красивыми пуговицами с простым мальчиком.

Но их у него очень много! Зачем ему столько?

Ноэль мысленно сосчитал: больше, чем пальчиков у него на руках.

Он не знал точное количество, потому что больше десяти считать не умел. Конечно, можно было выпростать руку из материнской хватки, сесть

на пол и снять носки. Тогда пальчиков стало бы больше...

Но Ноэль постеснялся.

Вдруг этот сударь решит, что он совсем глупый мальчик?

В маленькой столовой мать, наконец-то, опустила его. Ноэль тут же залез в плетеное кресло, спрятался за спинкой и теперь подглядывал

в дырочку.

Незнакомец, назвавшийся Йеванном Райсом, лишь мельком посмотрел на него. Он больше смотрел на маму, и маме это очень не нравилось.

Даже сейчас, когда мама перебирала бокалы в буфете, Ноэль чувствовал странное напряжение между ними. Станный гость не сводил с нее глаз. Холодных. Оценивающих. Он не вошел в столовую, остановился в дверях, привалившись плечом к косяку. И безотрывно смотрел

на нее.

Ноэль проследил его взгляд.

Мама казалась обычной. Такой, как всегда. Привычный шиньон, гладко зачесанный лоб, тонкая шея. Только руки немного дрожат, да в голосе

слышно волнение. Будто мама боится чего-то.

Или злится.

Ноэль знал этот голос. Однажды, когда он впервые увидел огненных фей и захотел их поймать, то сунул руку в камин и сильно обжегся. Тогда он громко кричал от боли. И когда мама схватила его, у нее был точно такой же голос. Тихий и напряженный.

Таким голосом она говорит с Катариной, когда отчитывает ее. И с мистером Доббсом, когда он приходит к ним за арендной платой. И когда на улице кто-то вдруг окликает ее...

– Ваш бренди.

Ноэль проследил, как мама поставила на стол бокал с коричневой жидкостью. Он узнал ее по запаху. Это была та самая жидкость, которой мама растирала его, когда он болел.

Гость оторвался от косяка, неторопливо прошел к столу. Взял бокал

и понюхал его содержимое.

– Думаете, я решила вас отравить?

– Нет, конечно, вы же знаете, что это бессмысленно.

* * *

Йеванн сделал глоток. Покатал бренди на языке.
Дерьмовый напиток.

И внезапно для самого себя заговорил:

– Я все думал, что скажу, когда найду тебя. У меня было
достаточно
времени, чтобы решить, какие именно это
будут слова.

Дея промолчала. Ее неприятно царапнуло его фамильярство, но
она
и виду не подавала. Только глаза
опустила.

– Вижу, тебе это не интересно, – он зло усмехнулся и залпом
опустошил бокал. – Но ты же узнала меня, не так ли? Узнала, едва
увидела. И напомнила, что я тебе должен.

Она холодно пожала плечами:

– Нет, вы мне ничего не должны. Это было мое решение. И мне
за
него отвечать.

Она уже успокоилась. Почти.

Однажды это должно было случиться. Так почему не сейчас?

– Так вот, как ты это воспринимаешь, – он усмехнулся. – Что
ж, так даже лучше. Будем считать, что я твое наказание.

Она сжала руки. Сжала так, что побелели костяшки пальцев, а в
груди заняло беспокойное сердце.

Если бы он только знал, как близки его слова к истине! Если бы
только знал, сколько раз она корила себя за то, что не прошла тогда
мимо, не оставила его умирать! Сколько ночей проревела в подушку,
проклиная свою судьбу и свой Дар. И как возненавидела себя за то, что
не удержала Бертрана.

Ведь тогда, два года назад, стражи пришли за ней. Не за ним. Но
Берт не дал ей сказать ни слова. Он сознался, что использовал Дар, и
его

забрали... забрали...

– Я сразу понял, что это не он, – голос Йеванна прервал ее

мысли. – Я хоть и лежал тогда в отключке, но запомнил, что рядом со мной была женщина. Молоденькая девушка со светлыми волосами. В предсмертном бреду мне казалось, что это ангельский ореол.

Дознаватель задумчиво посмотрел на пустой бокал и поставил его на

стол.

– Но когда за тобой вернулись, дом был уже пуст. Ты сбежала.

– Почему император приказал вам жениться на мне? – прошептала Дея, не глядя на него. – Ведь вам тоже это не нравится.

– Так заметно? – Он хмыкнул. – Кто я такой, чтобы оспаривать приказы

монарха?

– И все же?

– Большой частью из-за твоего Дара. Венарий знает, что ты последняя из Вейлиссов. Он надеется, что один из наших детей

унаследует твою способность возвращать умерших и пробуждать древнюю

кровь.

Она посмотрела на него с искренним удивлением.

– Но я не умею поднимать мертвецов! Я не некромант.

– Разве я упомянул некромантию? – Он снова усмехнулся. Отчаянно. Зло. – О нет, я сказал «возвращать умерших». Так, как вернула меня. Ты разве не знала?

В ее глазах плескалась настоящая паника.

Йеванн понял, она не врет, не играет. Действительно не знала, не заметила, что он тогда умер! Его душа покинула тело, но эта девушка своими руками, своим бесценным Даром не позволила ей отлететь. Вернула назад из мира Теней. Привязала к брэнному телу...

Разбудила спящее в нем чудовище...

Лучше умереть.

бы она дала ему

Глава 3

– Ох, что же теперь с нами будет, миледи? – причитала Катарина, укладывая вещи в сундуки и саквояжи. – Как же так? О, Праматерь

Эола, спаси нас, грешных, и сохрани...

Дея не слушала. Она сидела на кровати, уронив руки на колени, и смотрела в одну точку. В голове толпились тысячи мыслей, но среди них выделялась одна: по законам Иллурии она супруга дознавателя. Не просто дознавателя – темного мага. Больше того, демона-полукровки! Она поняла, кто он, едва заглянула в его глаза.

Это невысказано.

Светлая ворожея, целительница, и полудемон!

За всю историю Объединенной Империи еще не случалось подобного мезальянса.

Застонав, она сжала виски.

Да этот брак хуже, чем мезальянс! Только извращенная фантазия Венария могла такое придумать! И для чего? Освятить брак целительницы и полудемона в надежде, что кто-то из их детей сможет возвращать мертвых?

Нет, никогда!

Дея шумно вздохнула.

Она сильная. Она справится. Она прямо сейчас пойдет к нему и поговорит.

Йеванн и сам понимает, что их брак невозможен. Невозможно скрестить гадюку с ужом, хоть они оба змеи!

К тому же, она не собирается снимать вдовье платье и нарушать обет, данный над могилой Бертрана. Он пожертвовал собой ради них. Ради

нее и Ноэля. Как она может осквернить его память?

Но ради спокойствия сына она сделает вид, что смирилась.

Последует за Райсом, куда он прикажет. Будет играть роль его жены.

Нужно лишь прочертить между ними границы. Установить правила.

Да, так будет лучше всего.

– Миледи? – испуганный голос Катарины оторвал ее от печальных мыслей.

Дея вскинула голову.

– Я уложила ваши вещи и вещи милорда Ноэля, – сообщила

горничная, утирая слезы кончиком фартучка. – Скажите, мне будет позволено отправиться с вами?

Дея медленно покачала головой и призналась:

– Не знаю. Прости, Катарина, я ничего не знаю. Мне нужно переговорить с... – это слово не желало слетать с ее губ. Но перед глазами стоял брачный договор, его строчки пылали, словно выжженные каленым железом. – С нашим гостем.

Сколько она тут просидела? Солнце уже перевалило за полдень и запуталось в голых ветках старого вяза...

– Где Ноэль?

– Он спит, миледи. Я покормила его обедом и уложила.

– А наш гость?

– Он в гостиной, – Катарина понизила голос до шепота, будто дознаватель мог услышать ее, – приказал подать ему целую баранью ногу

и бутылку артьенского вина!

– Артьенского? – Дея постаралась сосредоточиться, но смысл слов от нее ускользал. – Оно же баснословно дорогое!

– А я о чем! – горничная была рада посплетничать. – Дал мне целый

фортин! И сдачу сказал оставить себе! Вот.

Она разжала ладонь, в которой тускло блеснули две медных монетки.

Дея заворожено уставилась на монеты.

Этот Райс так богат, что швыряет деньги без счета? Золотой фортин – монета, которую она не держала в руках с тех пор, как отдала последние сбережения за возможность пересечь границу Шенвейса и купить временное гражданство. Теперь ее средства ограничивались серебряными лирами да медными сье, которые приходилось зарабатывать собственным трудом.

Нет, Дея не прислуживала в трактирах, не разносила деревянные кружки с элем и не мыла полы. Она даже не пошла в содержанки, как не раз намекал мистер Доббс, глядя на нее сальными глазками. Она вспомнила, чему их учили в монастыре, и стала беловшейкой. А еще научилась плести кружева, что расходились среди местных кумушек как горячие пирожки.

Да, ее нежные пальцы были исколоты иголками, а спина зачастую болела так нестерпимо, что приходилось просить Катарину размять позвоночник. Но, несмотря на все трудности, целых два года она была

относительно

довольна.

Ее сынишка ни в чем не нуждался. Они снимали этот милый домик на окраине Рузанны, могли позволить себе мясо по субботам и рыбу по четвергам, а еще книжки с картинками, деревянных лошадок и много чего еще, что так нравится маленьким мальчикам.

Но три месяца назад все изменилось. В соседнем квартале открылось модное ателье, а за ним и магазин готовой одежды. Часть клиенток ушли туда, а те, что остались, стали требовать скидки.

Заказов становилось все меньше, денег тоже. Дея залезла в долги.

А

теперь должна даже служанке.

– Возьмите, миледи, – Катарина протянула ей медные сье.

Сердце Деи болезненно сжалось. Эти монетки могли бы покрыть долг

за молоко или яйца...

Но она нашла в себе силы покачать головой:

– Нет, он сказал, чтобы ты оставила сдачу себе. К тому же, я и так задолжала тебе жалованье за прошлую неделю.

Дея поднялась, чуть пошатываясь от внезапно нахлынувшей слабости.

Оперлась на спинку кровати.

– Но, миледи...

– Все хорошо. Не переживай об этом. Лучше позаботься об ужине, раз наш гость так любит поесть.

– Накрывать на троих?

Дея уже была в дверях, когда ее нагнал этот вопрос. Она замерла, вцепившись пальцами в медную ручку. Качнула головой:

– Нет, мы с Ноэлем поужинаем у меня. А гостю... гостю накрой

в

столовой.

Она просто не сможет есть с ним за одним столом. Это выше ее

сил.

* * *

Дея заглянула в комнату сына. На цыпочках подошла к детской кроватке.

Ноэль крепко спал, раскинув в стороны сжатые кулачки. Катарина задернула

шторы, чтобы ему не мешал дневной свет.

Дея нагнулась и осторожно прижалась губами к пухлой щечке ребенка. Вдохнула его запах. Закрыла глаза.

Да, это именно то, ради чего стоит жить. И стоит мириться. И стоит забыть о себе.

Частичка Бертрана. Все, что осталось ей от прошлого и недолгого семейного счастья.

Дея никогда не думала о своих чувствах к мужу. О том, что испытывает к нему. Детство прошло в сиротском приюте при храме Праматери, а в шестнадцать лет игуменья выдала ее замуж за первого, кто заплатил достаточный взнос за невесту. Им оказался Бертран Девилье

– тридцатилетний аптекарь.

Девушки из приюта Эолы Великой очень ценились как покладистые

и покорные жены.

Но Дее сказочно повезло. Бертран оказался хорошим человеком. Добрым и нежным. Впервые после смерти родителей она почувствовала себя окруженной заботой.

Он ни к чему ее не принуждал. Два года ухаживал так робко и деликатно, словно она была хрупким цветком, готовым сломаться от малейшего ветра. Два года ждал. И Дея сдалась. Оттаяла сердцем. Отогрелась в его руках. Приняла своим мужем.

А потом появился Ноэль. Для нее это стало маленьким чудом. Таким же естественным и необъяснимым, как звезды, что по ночам сияют на небе.

Только потеряв Бертрана, единственного человека, который о ней заботился, Дея поняла, что обязана ему всем, что имеет. Всем, что было хорошего в ее жизни.

Ее сердце сдавили горе и скорбь.

Вот уже два года она бережно хранит память о муже. Но сегодня ее впервые поцеловал другой мужчина. Поцеловал грубо, зло, не скрывая своего отношения к ней. Она должна ненавидеть его за это! Должна! Тем более что он косвенно виноват во всем, что случилось.

Она прикоснулась к своим губам, невольно вспоминая вкус этого поцелуя. И почувствовала, как внутри разливается странный жар.

Взгляд затуманился, ноги задрожали.

Она потрясла головой, прогоняя внезапную слабость.

Что с ней такое? Он ее чем-то околдовал?

Дея не знала и не хотела этого знать. Но на могиле Бертрана она поклялась, что ни один мужчина в мире не коснется ее. Ни один не снимет с нее вдовье платье.

Теперь она собиралась сдержать свою клятву.

* * *

Йеванна не оказалось внизу. Дея заглянула в гостиную, в столовую, где на столе стоял одинокий бокал и пустая бутылка из-под вина.

Подумав, она прошла в кухню. Там тоже никого не было.

На миг ее охватила робкая надежда: а вдруг он ушел? Понял сам, что их брак – безумие, и ушел?

Но скрип входной двери и тихое чертыханье, сказанное знакомым протуженным голосом, подсказали, что он еще здесь.

Она вышла в прихожую, как раз в тот момент, когда Йеванн переступил порог и закрыл за собою дверь. Он постукивал сапогом о сапог, чтобы сбить снег. На его плечах, поверх песцового меха, серебрились

снежинки. В руках темнел лошадиный стек.

Почувствовав ее появление, он вскинул голову и криво усмехнулся:

– Снегопад.

Но его глаза не смеялись. Они оставались холодными и цепкими.

А

еще от него разило вином.

Дея глянула на куски снега, что уже начинали превращаться в грязные лужи.

– Я скажу Катарине прибраться здесь, – произнесла, стараясь скрыть

неприязнь.

И уже развернулась, собираясь уйти, как он ее остановил:

– Позже. Сейчас нам нужно поговорить.

Это были ее слова! Это она должна была их сказать! Но испугалась. Да, испугалась, едва встретилась с его взглядом.

Так легко быть храброй, сидя в своей комнате. А здесь, рядом с этим мужчиной, вся ее храбрость куда-то исчезла. Остался лишь неприятный комок внутри, а еще страх.

Страх перед тем, кто сильнее. В ее глазах Йеванн Райс был стихией, которую она не могла контролировать.

Мысленно помолвившись, Дея повернулась к нему.

– Я тоже хотела поговорить с вами, – ее голос немного дрожал. – Но сейчас не лучшее время.

– Да? – он снял перчатки и двинулся на нее. – Это почему же?

– Вы... вы пьяны! – ахнула Дея, когда он качнулся.

– О да, – уголок его губ саркастически дернулся вниз, – вас это смущает, моя прелестная вдовушка?

Он окинул ее странным взглядом, от которого у Деи по спине побежал холодок. Смесь разочарования, сожаления и презрения.

– Скажите, сколько мужчин задирали эти скромные юбки?

– Что? – она задохнулась от его слов. – Да кто вам дал право так...

Он грубо оборвал ее:

– Напомнить? Юридически я ваш муж последних два года. И раз вы так щедро дарили свою любовь зеленщику и мяснику, то почему бы не

подарить ее мне?

Отступить было некуда. За спиной только стена, да еще вход в столовую.

Дея машинально шагнула через порог, лишь бы увеличить расстояние

между ними.

Йеванн не торопился. Он понимал: она никуда не сбежит. Но ее страх возбуждал в нем охотничьи инстинкты. Ее паника пробуждала в нем хищника. Ее отступление – желание гнать добычу. И он наслаждался

моментом.

Шаг за шагом он двигался на нее, и шаг за шагом она отступала.

Пока, наконец, не уперлась поясницей в стол.

Ее черные глаза распахнулись во всю ширь. Она поняла, что оказалась

в ловушке.

– Садитесь, – фыркнул Йеванн, указывая на кресло. – Я не собираюсь насиловать вас прямо здесь.

– Вы... Вы ужасный человек! – выдохнула она, вкладывая в голос всю ярость и ненависть. – Я вас ненавижу!

– О, да, – он ухмыльнулся, глядя на ее сжатые кулачки. – Я сам себя

ненавижу. Но это никак не относится к нашему делу.

Расстегнув плащ, он бросил его на спинку кресла, уселся с хозяйским видом и закинул ногу на ногу.

– Итак, – смерил ее внимательным взглядом, – вы хотите стоять? Что ж, стойте. Так даже интереснее. Я представлю, что вы непослушная горничная, которую следует наказать.

И демонстративно положил на колени стек.

Бледные щеки Деи вспыхнули ярким румянцем. Колени подломились, и она буквально свалилась в соседнее кресло.

– Чего вы добиваетесь?!

Этот мужчина издевался над ней. Зачем она только вообще спустилась? Хотела поговорить? С ним? Наивно надеялась, что он ее будет слушать?

Вместо ответа, он бросил на стол пачку бумаг. Дея узнала свои долговые
расписки и векселя.

Она дернулась, инстинктивно желая схватить их и спрятать, но большая

ладонь полудемона припечатала стопку к столу.

– Где вы это взяли? – прошептала Дея, не сводя глаз с бумаг.

– Скажем так, я решил навестить домовладельца, а заодно пройтись

по местным лавкам. И узнал о вас много чего интересного.

– Собирали сплетни? – она горько усмехнулась.

Едва стало известно о ее плачевном положении, как на Дею буквально посыпались непристойные предложения. Зеленщик предлагал ей капусту за поцелуй, мясник пытался зажать в углу, а мистер Доббс сказал, что забудет про долг и вообще про арендную

плату, если она будет с ним милой и покладистой.

А вот их жены готовы были растерзать ее в клочья.

Еще недавно они приходили к ней с пирогами, уговаривали снять вдовье платье и выйти в свет, не закапывать себя раньше времени. Она шила для них панталоны и нижние юбки, брала за свою работу копейки

и считала этих женщин своими подругами.

Но едва попросила в долг – и они перестали ходить к ней в гости, а на улице отворачивались и старательно делали вид, что вообще не знакомы.

А два дня назад Дея случайно услышала, как жена молочника называет

ее попрошайкой.

Такой душевной боли она давно не испытывала. И вот сейчас этот мужчина

собирался ее добить.

Глава 4

Йеванн разглядывал на девушку, что сидела перед ним. Поникшая, с

застывшим в глазах отчаянием.

Ее глаза преследовали его даже во сне. Две черные звезды на тонком, словно высеченном на камее, лице.

Как долго он пытался забыть? Вырвать этот образ из памяти? Сколько женщин побывало в его постели, прежде чем он понял, что незнакомка

с бледным лицом проросла в его душу?

Темные маги не женятся на светлых, не влюбляются в них, не вступают в интимные связи. Но он хотел эту женщину, хотел до боли, до ломоты во всем теле. И сам не понимал, что с ним творится.

Его желания – противоестественны. Но они есть и от них никуда не

даться.

Почти каждую ночь она снилась ему.

Боль от раны в груди, ледяная вода, в которой лежит его тело, холод и тьма...

Безвременье и пустота...

А потом резкий толчок. Жар, что охватывает каждый сустав, каждое нервное окончание.

Золотая петля, что захлестнула душу в последний момент. Вырвала из желанной тьмы, вернула в мир света, привязала крепким узлом к брэнному телу...

Он помнил момент, как почувствовал рядом с собой чье-то присутствие. А еще почувствовал вернувшуюся боль и понял, что жив. Сил открыть глаза не было, но он все же сумел разлепить покрытые морской солью ресницы и увидеть ее. Ангела с золотой короной на голове. Услышать ее нежный голос. Почувствовать

исцеляющее прикосновение рук...

Он хотел схватить ее за руку, хотел сказать, что она совершает ошибку, что его судьба умереть здесь и сейчас. Так надо! Так должно было стать!

И не смог. Потому что инстинкты кричали, что нужно жить, и глупое тело цеплялось за жизнь.

А она...

Она что-то шептала, срачивая его раны.

Он еще вяло удивился, как ей хватило сил вырвать арбалетный болт из его грудины? Он ведь помнил удар, помнил, как его откинуло навзничь, а грудь разорвало от боли. Помнил, как кто-то толкнул его за

борт. А потом потерял сознание.

Видно, волны прибили его тело к берегу.

Но почему... почему он не умер?

Он хотел задать незнакомке этот вопрос. Но с губ слетел только стон.

– Тише, уже все закончилось, – прошептала она, наклоняясь к нему.

Ее волосы мазнули его по щеке, дыхание коснулось потрескавшихся губ...

И в этот момент ее спугнули.

Со стороны берега послышался шум. Бряцанье оружия и топот нескольких ног.

– Он здесь! – закричал мужской голос. – Я его чувствую, он

живой!

– Йеванн? Ты жив? Мы идем!

Он узнал голоса. И его прекрасное видение тоже.

Он помнил, как она испуганно вскинула голову. О да, дознавателей все боятся. А она только что использовала магию без согласия пациента. Больше того, вряд ли у нее есть королевский патент на врачевательство. Самое меньшее, что ей грозит, это штраф. Самое большее...

* * *

Он зажмурился, отгоняя воспоминания. Усилием воли заставил себя вернуться в настоящее. Тогда она от него сбежала, но теперь не сбежит. Тем более что император Венарий сделал все, чтобы привязать их друг к другу.

– Я оплатил все ваши долги по вексям, – заговорил он усталым тоном. Как, оказывается, тяжело носить маску абсолютного спокойствия, когда тебя разрывает на части. – И погасил арендную плату. Кому вы еще должны?

Дея совсем сникла. Она нервно мяла платочек и не решалась поднять

на него глаза.

– Я жду, – он забарабанил пальцами по столу. – Не вынуждайте меня идти по улице и опрашивать каждого встречного. Поверьте, я могу это сделать.

– Кучеру, – тихо пролепетала она, краснея от собственного падения.

– И садовнику.

Ей пришлось уволить их месяц назад, причем, она так и осталась должна

по десять лир каждому.

– Хорошо. Кому еще?

– Катарине.

– Сколько?

– За последнюю неделю два лира и десять сье.

Он скривился, разглядывая ее со смесью жалости и презрения.

– Хорошими же людьми вы себя окружили миледи, – последнее слово он произнес, не скрывая издевки. – Мне даже не пришлось наводить

о вас справки, местные кумушки сами все разболтали, стоило их только спросить, кто живет в этом миленьком домике с голубой черепицей.

Дея даже представлять не хотела, что ему рассказали о ней. Но настойчивый голосок внутри требовал, чтобы она защищалась.

До боли сжав кулачки на коленях, она подняла на Йеванна твердый

взгляд.

– Сударь, я вам благодарна за ваше участие. Но попрошу впредь не

попрекать меня вашей помощью. Я о ней не просила.

– Неужели? – он ухмыльнулся, демонстрируя идеальные зубы. – Тогда ответьте на простой вопрос. Как вы собирались жить дальше?

Чем расплачиваться за долги?

Она опустила глаза.

– Я бы что-то придумала. Обязательно.

– Например? – он приподнял одну бровь. – Пошли бы собой торговать, раз уж торговать панталонами больше не получается?

От его слов она вспыхнула и вскочила как разъяренная кошка.

– Не смейте! – прошипела, глядя ему в глаза. – Не смейте так со

мною говорить! Вы ничего не знаете обо мне!

Она развернулась, чтобы удалиться прочь с гордостью оскорбленной императрицы, но жесткий, ледяной голос заставил ее

замереть:

– Сядьте. Я знаю о вас больше, чем мне бы хотелось.

Он глянул на нее так, что она буквально рухнула в кресло. Тяжелая, давящая аура дознавателя мельничным жерновом прокатилась по ней, ломая волю.

– Вы моя жена, – произнес Йеванн, выделяя каждое слово, – нравится вам это или нет. А жена да убоится мужа и господина своего, – процитировал он фразу из венчального трактата. – С этой минуты вы будете делать только то, что я вам скажу. И не больше.

– Зачем? – выдохнула она, глядя в его пустые, бездушные глаза.

– Зачем вы делаете это со мной?

– Затем, что за все в этом мире надо платить. Особенно, за возможность жить дальше.

Дея судорожно кусала губы.

Этот мужчина ненавидит ее. Ненавидит столь открыто и яростно, что

чтобы это понять, не нужно быть семи пядей во лбу,

Но за что?

Что она ему сделала?

Она мысленно вернулась в тот день, когда злодейка-судьба сделала

резкий виток.

* * *

В Иллурии уже тридцать лет свободная магия была под запретом. Венарий уничтожил Ковен магов за попытку переворота. Затем ввел запрет на любое несанкционированное колдовство. А спустя пару лет начал

выводить ручных магов.

Всех детей, обладающих каким-либо Даром, изымали из семей, ставили на учет, отправляли на обучение в закрытые школы и академии.

Но были и те, чей Дар оказывался настолько мал, что его оставляли без внимания. Обычно он вспыхивал особенно ярко в подростковом возрасте, но исчезал бесследно к двадцати годам у парней,

а у девушек – с потерей невинности.

Так должно было случиться и с Деей. Но вопреки ожиданиям, вышло

иначе.

После первой ночи с Бертраном, она долго думала, что Дар пропал. А потом начали происходить странные вещи. Дея забеременела – и Дар вернулся, но на этот раз с утроенной силой. Чем больше рос ребенок у нее внутри, тем больше становился Дар. На конец беременности она уже могла определять недуги на глаз, лечить без наложения рук, просто касаясь ауры. И чувствовала, как при лечении через ее собственное тело проходит целительная магия. Теплая, немного щекочущая, льющаяся тонкой струйкой.

Дея стала проводником. Она испугалась, что Бертран сдаст ее

дознателям, ведь именно так и должен был поступить законопослушный гражданин.

Но он...

Он поступил иначе. Сказал, что сам уже много лет скрывает свой Дар. И что, возможно, их союз стал не только толчком к зарождению новой жизни, но и к тому, чтобы магия Деи вернулась.

Вскоре родился Ноэль, и у него оказался сильный магический Дар. Пока еще пассивный, но готовый раскрыться в любую минуту. Теперь супругам Девилье приходилось быть втроене осторожными.

А потом оказалось, что Дея не может пройти мимо тех, кто нуждается в ее помощи. Это было выше ее сил.

В тот злополучный вечер она возвращалась от женщины, у которой были очень трудные роды. Если бы не помощь целительницы, та, скорее всего, умерла бы вместе с младенцем.

Дея пробиралась окольными путями, стараясь не попасться на глаза стражам закона, потому что от нее за версту несло магией, а патента на ее использование не было.

До дома оставалась пара кварталов, когда она решила срезать дорогу через пустынный берег. Когда-то здесь были пристань и доки, а теперь остались только проржавевшие насквозь железные стены, да прогнивший деревянный понтон.

Она проходила мимо него, когда ей послышался стон. Еле слышный, исполненный предсмертной муки.

Дея замерла, чувствуя, как внутри все холодеет. Нагнувшись, она увидела очертания человеческого тела. Только голова и плечи несчастного лежали на гальке, остальное было скрыто водой.

Рассудок приказывал бежать прочь, но сердце забилося быстрее при мысли, что в ледяной осенней воде кто-то лежит. И этот кто-то нуждается в помощи.

Не думая о последствиях, она скинула башмаки, подоткнула подол клетчатой юбки и спустилась к воде.

Теперь стало ясно, что это мужчина. В тонкой батистовой рубашке с кружевами, что говорила о его благородном происхождении и достатке. Но в светлых волосах незнакомца запутались бурые

водоросли, а лицо покрывала корка из грязи и крови. Рубашка же была темной от крови.

Слабые волны набегали ему на грудь, разбавляли кровь и уносили алые разводы за собой, в море. А чуть ниже сердца торчал арбалетный болт.

Раненый умирал. Дея поняла это, даже не глядя. Так же, как поняла, что у нее слишком мало сил, чтобы поставить его на ноги. Ведь сегодня она уже выложилась на полную.

Но бросить его здесь и уйти она не могла.

Решила, что попробует хотя бы выдернуть болт и зарастить самую опасную рану. А потом вытащит из воды и оставит на берегу. Если незнакомцу суждено выжить – он выживет.

Болт сидел очень глубоко, а еще он был мокрый и скользкий от воды и от крови. Дея пришлось встать на колени, чтобы суметь его ухватить.

Раненый застонал, когда она потянула болт на себя.

– Все хорошо, – зашептала она, потихоньку расшатывая болт, – сейчас станет легче.

Резкий рывок – и свинцовый снаряд с противным чавкающим звуком

покинул свое гнездо. Из дыры в ребрах хлынула кровь.

Дея откинула болт и тут же зажала рану руками. Зашептала, забормотала слова молитвы, обращаясь к Праматери, прося дать ей силы. И почувствовала, как та отзывается из недр земли, отвечает тихим, глубоким вздохом.

Раненый дернулся, с его губ, потрескавшихся от морской соли, слетели непонятные звуки.

– Тише, – Дея попыталась успокоить его, – уже все закончилось.

Но он будто силился что-то сказать.

Она нагнулась, чтобы расслышать, и в этот момент услышала шум.

Вскочила на ноги, вслушиваясь в голоса.

Дознаватели.

Она узнала бы их даже во сне.

Везде, где бы они ни появлялись, в воздухе разливался стойкий, удушливый запах крови.

Они были пропитаны кровью насквозь.

Уже понимая, но все еще надеясь на чудо, она бросила взгляд на того, кого только что спасла.

Незнакомец лежал, раскрыв веки.

Серые, словно выцветшие, глаза смотрели в упор. На нее. Это были глаза дознавателя.

Глава 5

– Вижу, вы прекрасно все помните, как и я, – от его пронзительного взгляда невозможно было укрыться. – Что ж, это облегчает мое задание.

– Задание? – Дея вскинула голову.

– Да. А вы думали, что я воспылал к вам внезапной любовью? – Йеванн скривился. – Нет, но я служу своему императору, а он приказал мне жениться на вас и сделать ребенка.

На этот раз она не покраснела, а покрылась смертельной бледностью.

Он же удовлетворенно хмыкнул, наблюдая за ее реакцией.

– А если... если я откажу? – произнесла, запинаясь.

– У меня есть сотня способов заставить женщину хотеть меня, когда мне это нужно.

Судя по тону, он не шутил.

Дея знала, у темных магов много секретов. Они мастера соблазнения. А у этого еще и капля демонической крови. Совсем крошечная. Вряд ли Йеванн сможет принять боевую форму. Но этой капли вполне достаточно, чтобы сделать его угрозой реальностью.

– Да не тряситесь вы так, – процедил он, явно наслаждаясь ее бледным видом. – Я уже сказал, что не собираюсь вас насиловать. Не настолько низко я пал, чтобы мстить таким образом.

В его благородстве она сомневалась, но после этих слов облегченно

выдохнула.

– О чем вы хотели поговорить со мной?

Йеванн поменял тему беседы. Это произошло столь внезапно, что

Дея

не сразу сообразила, что он говорит.

Больше того, его тон стал сухим, деловым. Из него ушли вальяжные нотки. Дознаватель выпрямился в кресле и без тени усмешки взглянул на нее.

Дея сжала кулачки. Так, что ногти вошли в ладони. Эта боль отрезвила и встряхнула ее. Заставила вспомнить все слова, что она собиралась

высказать этому наглецу.

– О нашем совместном будущем, – произнесла Дея, следя, чтобы голос не дрогнул.

– И? – левая бровь дознавателя изогнулась красивым домиком.

– Я согласна играть роль вашей жены.

– Играть? – бровь поднялась еще выше.

– Да. Согласна поехать с вами, куда вы скажете, быть хозяйкой в вашем доме, почитать вас, как мужа, заботиться о ваших... насущных нуждах, – она немного запнулась, но быстро взяла себя в руки.

– Насущных нуждах? – теперь он смотрел на нее с интересом. – Любопытно... И что же вы подразумеваете под этими словами?

Она ответила ему твердым взглядом:

– Все, что входит в обязанности супруги, кроме телесного контакта.

– О, как! – Ледяная усмешка. Бесстрастный кивок. – Продолжайте.

– Я понимаю, выбора у меня нет. Бежать некуда, помощи искать тоже

негде.

– В логике вам не откажешь.

– Но по некоторым причинам я не могу стать вашей супругой душой

и телом.

Он прищурился. Его взгляд стал острым, как бритва.

– А вы уверены, что я претендую на вашу душу?

Она на секунду прикрыла глаза, пытаясь справиться с гневом. Когда вновь посмотрела на Йеванна, то заметила странный отблеск,

мелькнувший

в его равнодушных глазах.

Призналась:

– Я ни в чем не уверена. Поэтому хочу заранее обговорить условия
нашего брака.

Он окинул ее задумчивым взглядом.

– Пожалуй, я догадываюсь, что это за причины. Но они ничего не меняют. Я должен предоставить сына или дочь императору не позднее,
чем через год после обряда венчания.

– Даже так...

Этого Дея не ожидала. Впрочем, недаром же ходят слухи, что Венарий сошел с ума. Кому еще, как не сумасшедшему, придет в голову уничтожить всех взрослых магов империи и создать новый Ковен
из карателей и дознавателей?

– Не переживайте, – ее мысли прервал голос Йеванна. Нотки презрения в его тоне заставили ее стиснуть зубы. – Поверьте, мне эта мысль так же малоприятна, как и вам. Или, думаете, я горю желанием прижать
к кровати ваше тщедушное тельце?

Он хочет ее оскорбить?

Дея выпрямила спину и расправила плечи.

– Отнюдь. Должна признаться, у меня тоже нет никакого желания стать подстилкой для темного, да еще полукровки. К тому же, вы
не в моем вкусе.

Она постаралась вложить в эти слова все презрение и ненависть, что
испытывала к дознавателям.

И стрела попала в цель. На миг глаза Йеванна распахнулись. За равнодушным металлом мелькнул багрянец огня.

Дее показалось, что она увидела в их глубине что-то человеческое. Что-то живое. Но оно тут же исчезло.

Маг коротко усмехнулся:

– Bravo. Аплодирую стоя. Но это не решает нашей проблемы. А потому я вынесу встречное предложение.

Он отвел взгляд и забарабанил пальцами по столу.

– Я дам вам время. Привыкнуть ко мне, узнать ближе. Поверьте, я не такой зверь, как вы уже нарисовали себе. И мне не нравится чувствовать себя племенным жеребцом..

– Почему же вы согласились? – перебила она.

Он замолк, продолжая смотреть в сторону. Потом процедил, не разжимая зубов:

– Потому что наш император умеет делать предложения, от которых невозможно отказаться.

Убрав руку со стола, темный продолжил:

– Сейчас я уйду. Нужно решить кое-какие дела. Но не рассчитывайте, что я исчезну, как страшный сон, и не надейтесь снова сбежать.

Что за дела он ей не сказал, но Дея и сама догадалась, что это связано

с ее долгами. Что еще ему
делать в незнакомом городишке?

Она кивнула, подтверждая, что поняла.

Он поднялся и, глядя на нее сверху вниз, негромко добавил:

– Надеюсь, вы умная женщина, и не доставите мне лишних хлопот.

* * *

Йеванн вернулся в сумерках. Прежде чем войти, окинул дом быстрым взглядом. Окна на втором этаже мягко светились, а вот на первом было темно.

Похоже, его тут не ждали.

Он вошел, не обращая внимания на прилипший к сапогам снег.

Скинул плащ, стряхнул его прямо в прихожей.

Снегопад продолжался весь день и затих только к вечеру. Это могло помешать его планам. Кто знает, как быстро чистят дороги в этой глуши?

Из приоткрытой дверцы столовой просочилась служанка. Он нахмурился, вспоминая ее имя.

– Ваша милость, – девушка сделала книксен. – Позвольте вашу одежду. К ужину все готово, я накрою, как только вы скажете.

– Где моя жена? – о да, в глубине души он целых два года мечтал

сказать это вслух.

– Миледи сказала, что поужинает наверху. С сыном.

Челюсти Йеванна сжались. Сквозь стиснутые зубы прорвалось глухое

рычание.

Она решила его избегать? Игнорировать? Как необдуманно!

Впрочем, что взять с глупой женщины, пытавшейся от него убежать?

– Почему? – прорычал он, уставившись на служанку.

Катарина поспешно опустила глаза. Этот господин пугал ее до желудочных колик. Но в то же время в нем было что-то особенное. Красавец – бесспорно. На таких все девушки засматриваются. К тому же маг на имперской службе, что говорит о его состоянии. Да еще с примесью демонической крови, а это значит, умелый и страстный любовник.

И почему он не нравится госпоже?

– П-простите, – пролепетала она, – миледи просила передать, что

плохо себя чувствует. И что желает вам приятного аппетита.

Он прошел мимо нее. Молча, как мимо пустого места.

Катарина едва успела подставить руки под сброшенный мокрый плащ. И сотворила священный знак, глядя, как гость стремительно поднимается по ступенькам.

Она не могла понять, что его разозлило, но поспешила убраться в каморку под кухней. Пусть господа выяснят отношения между собой, а она пока плащ почистит. Глядишь – и еще какая монетка перепадет.

* * *

Дверь резко распахнулась.

На пороге возникла мужская фигура.

– Миледи? – тихий угрожающий рык прокатился по комнате.

Дея медленно обернулась. Она сидела на ковре у растопленного камина, подогнув под себя ноги, и кормила с ложки Ноэля. Тот к этому времени

перемазался в каше по самые уши.

– Не желаете ли отужинать вместе со мной? – Йеванн впился в нее режущим взглядом. – Как-никак, теперь мы супруги. Так что давайте введем первое правило: в нашей семье принято ужинать за общим столом.

– В нашей семье? – Да он издевается! – Разве темные создают семьи? Как мне известно, ваши собратья предпочитают свободные отношения.

– Я тоже предпочитаю свободные отношения. Но в нашем случае мое

мнение никто не спросил.

Это была чистая правда. Темные маги не утруждали себя заключением брака. Они сходились и расходились так же легко, как светские дамы меняют булавки. Плодили внебрачных детей и ничуть не заботились о собственном статусе. А зачем? Все равно, никто не посмеет указывать темному, как ему жить. Особенно тому темному, в котором

играет демоническая кровь.

Но смолчать Дея уже не могла. Слова Йеванна задели ее за живое. Не

сдержавшись, она огрызнулась:

– А спать мы тоже будем вдвоем, как супруги? Тот осклабился.

– А вам, я вижу, не терпится? – поддел, издевательски растягивая

слова.

Йеванн открыто наслаждался нервозностью девушки. Голодный мужской взгляд прошелся по ее нежной шее и скромному декольте,

прожигая обнаженную кожу.

На щеках Деи вспыхнул сердитый румянец.

– Что ж, я не против, – дознаватель озвучил вердикт. – Вы должны мне брачную ночь. И только из уважения к вам не требую этого здесь и сейчас.

Дея сглотнула.

О чем она думала, когда вступала с ним в перепалку?

Этот темный не из тех мужчин, чьи просьбы – читай: приказы –

можно игнорировать. Она не могла понять, зачем перечит ему. Что-то было внутри нее, какое-то странное, незнакомое и вместе с тем пугающее чувство, что заставляло делать все наперекор.

Никогда прежде Дея не замечала за собой такого отчаянного желания сопротивляться. Может, все дело в том, что он темный? Может, именно потому вся ее сущность требует бежать от него?

Но бежать больше некуда. Придется смириться.

А как смириться, если сама мысль об этом вызывает протест?

Дея опустила глаза и крепче сжала ложку. Она не покажет ему свою

слабость.

– Я присоединюсь к вам, милорд, как только покормлю сына, – отчеканила голосом пленной королевы.

– Нет, – холодно и бескомпромиссно. – Ваш ребенок будет есть вместе

с нами. За общим столом.

Поднимайтесь, миледи.

– Но...

В растерянности Дея перевела взгляд на Ноэля. Она не знала, чего ждала от него, но уж точно не расширенных, блестящих от любопытства глаз, какими он впился в незваного гостя.

– Поднимайтесь, – повторил Йеванн, но почему-то не перешагнув порог, остался стоять в коридоре и рассматривать мальчика нечитаемым взглядом, – или мне придется поднять вас самому.

От такого заявления Дея едва не поперхнулась воздухом. Неужели

этот темный на такое способен?

– Вы позволите себе применить силу при ребенке?

Охваченная возмущением, она и сама не заметила, что вскочила. Йеванн сузил глаза.

– Поверьте, я вас не разочарую, – процедил с издевкой. – У меня хватит дури на все гадости, которые вы от меня ждете.

Захлопнув дверь, он направился вниз в твердой уверенности, что услышит

шаги Деи.

Сама же Дея вздрогнула, едва захлопнулась дверь, и бессильно уронила руки. Даже не заметила, что все это время она с силой

сжимала кулачки и была напряжена до предела.

Но с уходом Йеванна напряжение спало. Ноги ослабли.

Дея

медленно опустилась на пол.

– Мамочка, – подал голос Ноэль, – а я теперь всегда буду кушать здесь?

Игнорируя ложку, он зачерпнул пальцами сладкую кашу и совсем

не

по-джентельменски облизал их.

Дея перевела взгляд на сына.

Надо взять салфетку, вытереть маленького замарашку, пока он не запачкал ковер...

Впрочем, какая разница?

Что значит какой-то ковер по сравнению с тем, что рушится их счастливая

жизнь?

– Идем, – хрипло выдавила она, поднимаясь. – Он прав, нам лучше

спуститься в столовую.

Глава 6

Этот ужин стал для Деи настоящей пыткой.

Когда она спустилась, ведя за руку Ноэля, Йеванн уже сидел за столом, а Катарина, пряча глаза, расставляла тарелки.

Дея боялась, что сейчас темный скажет что-то язвительное. Как раз в его духе. Но, вопреки ее ожиданиям, он промолчал. Даже не взглянул в сторону навязанной жены, словно ее не существовало, а обратил все внимание на жареного фазана, украшенного артишоками.

Запах мяса напомнил Дее, что она голодна. Аппетитная корочка, покрывающая птицу, с капельками блестящего жира заставила рот наполниться слюной.

Когда она последний раз ела мясо? Месяц назад или два?

Кажется, еще до того, как мясник вкрадчиво пояснил, что такой прелестной вдовушке не пристало просить мясо в долг. А потом попытался

зажать в углу у прилавка и запустить

руку ей в декольте.

Она тогда залепила мяснику пощечину, но на шум вышла его жена

– миссис Берг.

Растерянная и дрожащая Дея не успела даже рта раскрыть, как мясник

хлопнулся на колени перед своей благоверной, божась, что

«сумасшедшая вдова» сама на него напрыгнула и сама предложила себя

за кусок хорошего мяса.

Оправдания Деи даже слушать никто не стал. Миссис Берг обозвала ее шлюхой, что прикрывается вдовьим платьем, а сама соблазняет женатых мужчин.

– Не думай, что я это так оставлю! – заявила она, потрясая половником. – Весь город будет знать, что тебя нельзя пускать в приличное общество!

Дея выскочила из мясной, как ошпаренная. Весь вечер она плакала в подушку, понимая, что миссис Берг права. Никто не придет на помощь хорошенькой вдове с ребенком. А если и придет, то потребует

за эту помощь особую плату.

С того момента жизнь понеслась под откос. И что бы Дея ни делала, как бы ни пыталась справиться, у нее ничего не получалось. Будто какой-то злой рок висел над ее головой.

Будь она одна – что-нибудь бы придумала. В крайнем случае, продержалась какое-то время на хлебе и воде. Но ведь Ноэля тоже нужно чем-то кормить. Он маленький мальчик с мощным магическим Даром, и пусть пока этот Дар еще спит, но на его развитие и подпитку уходит много энергии.

И вот теперь, словно в ответ на ее молитвы, появляется Йеванн. Щедро сыпет деньгами, погашает ее векселя, даже об ужине позаботился. Когда только успел?

Но нет, не так она представляла себе рыцаря в сверкающих латах, что примчится на белом коне и увезет ее с сыном в счастливое будущее. И вообще, не ждала, что в их маленький мирок ворвется кто-то третий.

Кто-то такой же наглый и беспринципный, как Йеванн Райс.

* * *

Он не смотрел на нее. Вел себя так, словно сидел за столом не в чужом доме, а в своем собственном. Непринужденно и даже вальяжно. И все равно Дея чувствовала на себе его взгляд. Изучающий.

Прощупывающий. Ледяной.

От этого взгляда кожа покрывалась мурашками, а самой Дее хотелось поплотнее сжать ворот на платье. Или, еще лучше, спрятать лицо за густой вуалью, той самой, что приколоты к шляпке. Наверное, завтра

она так и сделает...

Ноэль тоже притих. Обычно за столом он крутился на стуле, а рот у него вообще не закрывался, выдавая в минуту триста вопросов. Сейчас же мальчик вел себя просто образцово. Только иногда исподлобья

поглядывал на дознавателя.

– Ма-а-м, – внезапно заканючил Ноэль. – Я тоже хочу такой ножик!

Дея подняла взгляд.

Йеванн, ловко орудуя охотничьим ножом, вскрывал остов жареной птицы. Ее ножки и крылышки давно исчезли в их голодных желудках.

– Тише, сынок, – прошептала она, надеясь, что маг ничего не услышал. – Это не игрушка, а опасное оружие. Маленьким мальчика такое нельзя.

– Почему?

– Потому что оно для взрослых мужчин.

По мнению Деи вопрос был исчерпан, но ее сын так не считал. Он умел быть настырным, когда ему это нужно. А сейчас ему нужен был нож с широким сверкающим лезвием и кожаной оплеткой на костяной рукояти.

Зачем?

Ноэль не задумывался над этим. Просто хотел. Так же, как блестящие

пуговицы с мундира странного гостя.

– Но я видел похожий у Шарля! – произнес он с детским упрямством. – А Шарль не мужчина! Он мальчик, ты сама говорила.

– Шарль это мальчишка из бакалейной лавки на углу? – Йеванн вдруг с интересом посмотрел на Ноэля. – Кажется, ему лет десять, не больше.

И Дее стало не по себе от внимания, вспыхнувшего в серых глазах.

– Какое это имеет значение?

– Я хочу услышать, что скажет Ноэль. Тебя ведь так зовут?

Интересное имя...

Когда Йеванн перевел взгляд на мальчика, а тот аж зарделся от оказанного внимания.

– Ага!

– Значит, у этого Шарля есть нож?

– Ага! Вот такой здоровенный! – Ноэль, с присущим детям максимализмом, развел руки в разные стороны.

– И что же Шарль делает с этим ножом?

Голос Йеванна не изменился ни на йоту. Но Дея могла бы поклясться, что в холодных глазах мелькнули смешинки. Это ей не понравилось. Бесстрастный и замкнутый темный пугал ее куда меньше, чем проявляющий человеческие эмоции.

Она вцепилась в салфетку и нервно мяла ее, пока Ноэль, захлебываясь от восторга, рассказывал, как ловко Шарль управляется со своим огромным ножом. И курицам головы рубит, и дрова на щепу колет, и даже умеет бросать его через плечо!

– Он и меня хотел научить, – посетовал мальчик, бросая на мать быстрый взгляд. – Но мама не разрешила. Сказала, что я еще маленький.

Он вздохнул с досадой.

– Да, я считаю, что ты еще слишком мал для подобных игрушек, – произнесла Дея, глядя на сына. Взгляд мага буравил ее затылок, но она упорно делала вид, что ничего не замечает. – Нож это опасная штука. Им можно порезаться.

– Интересно, – не торопясь, Йеванн вытер нож о салфетку и убрал в ножны. Ноэль проводил эти действия жадными глазами. – В школе, где я обучался, мальчиков с трех лет учат сражаться на мечах. Сначала на деревянных, но к пяти годам их заменяют на железные, хоть и тупые.

– Это в школе! – отрезала Дея. – Мой сын не будет учиться тому,
что может нанести вред его здоровью.

– А как же магия?

Голос темного прозвучал тихо, почти вкрадчиво, но Дея вздрогнула так, словно ее облили холодной водой.

– Это не ваше дело, сударь, – пробормотала она, снова сжимая

салфетку.

– А вот мне так не кажется.

Откинувшись на спинку кресла, Йеванн тяжело посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Ноэля.

– Объяснитесь! – окликнула Дея.

– Разве вы не читали то, что написано в сопроводительном письме
к брачному договору?

– Не имела желаний, – она передернула плечами.

Губы темного сложились в подобие тонкой усмешки, но взгляд оставался
цепким.

– Зря. Иначе знали бы, что император предоставил мне выбор. Своего рода свадебный подарок. Я могу признать вашего сына своим пасынком и воспитывать как родного, а могу...

Он не сказал, щелкнул пальцами, позволяя Дее додумать самой. Глаза девушки широко распахнулись. Сердце болезненно ёкнуло,

и она машинально прижала руку к груди.

– Можете... что? – выдохнула, чувствуя, как невидимая петля сжимается вокруг горла.

- Отправить в Кардинг. Вы же знаете, что это, не так ли?

Да, она знала. Закрытая школа для одаренных детей. Мальчиков. Тех самых, что императорские дознаватели изымают из семей, чтобы

вырастить из них темных магов, полностью подвластных императору.

– Ни за что, – прошептала она. – Вы не посмеете этого сделать... Мой сын не темный!

Ее нежданный супруг издевательски хмыкнул:

– Он еще никакой. Его магия спит. И вам ли не знать, что когда она проснется, из нее можно вылепить все, что угодно. Не обманывайте себя: нет никакого разделения на темных и светлых. Все это бабские сказки. Магия едина, просто вы, используя ее, отдаете часть себя. А мы, – он поймал ее взгляд, – платим чужой монетой. И мой вариант куда предпочтительнее.

Он знал, о чем говорил. И, как бы банально это ни звучало, Дея тоже знала. У магии нет цвета, она не имеет расы или пола. Все зависит лишь от одного: ты ее используешь или она тебя, смог ты

укротить

свой Дар или нет.

Йеванн прав, хоть ей и не хочется этого признавать. Быть темным куда выгоднее. Не брать на себя чужую боль, не пропускать через себя чужие страдания. Не чувствовать, не ощущать. И не платить за это собственными

силами.

Куда проще отгородиться невидимым куполом, непроницаемым для чувств и эмоций. Все мерить выгодой и деньгами.

Руководствоваться

не сердцем, а холодным

рассудком.

Да, Йеванн прав...

Император дал ему выбор. Но если бы он уже сделал его, то не стал

бы упоминать об этом сейчас.

– Чего вы хотите? – она наконец-то разжала пальцы и выронила скомканную салфетку. А потом, решившись, посмотрела ему в глаза. – Давайте начистоту. Что я должна сделать, чтобы мой сын остался

со мной?

Она ждала чего угодно. Только не то, что услышала:

– Для начала ответь на вопрос: ты любила своего мужа?

* * *

Дея отвела взгляд. Упоминание о Бертроне из уст дознавателя больно кольнуло в сердце.

– К чему это праздное любопытство?

– Оно не праздное, леди Вейлисс.

И
сжалось.

снова сердце болезненно

Почему он так упорно называет ее девичьим именем? Намекает, что

ее прежний брак для него ничего не значит?

Для него – может быть нет. Темные ведь не женятся, не влюбляются. Они вообще избавлены от лишних эмоций. Но для нее это были три самых лучших, самых чудесных года в ее жизни. Бертран показал, что она может быть счастлива, он подарил ей сына. И она никогда не откажется ни от него, ни от того, что их связывало.

Йеванн подался вперед и добавил:

– Не советую увиливать от ответа.

– Даже не думала, – Дея вскинула подбородок. – Я любила
своего

мужа и сейчас продолжаю любить. Это вы
хотели услышать?

С минуту они смотрели друг другу в глаза. Йеванн с интересом
алхимика, обнаружившего новые свойства у давно известного зелья.

Дея

– с дерзостью загнанной в угол

рыси.

Внезапно зрачки мага расширились, лицо на секунду смягчилось,
став привлекательным. Он улыбнулся, почти безмятежно, и откинулся
на спинку кресла.

– Когда ты врешь, у тебя розовеют щеки, – заметил негромко. –
Я

это запомню.

Дею от возмущения кинуло в жар.

– Я вру? С чего вы это взяли, сударь?

– Твои глаза говорят об этом.

– Может, вам так хочется думать?

– Нет, сударыня, я чую ложь. Я же дознаватель, забыла?

Она оглянулась на Катарину, ища у служанки поддержки. Но та
застыла возле стены, делая вид, что ничего не видит и не слышит. И
правильно, пусть господа разбираются между собой. Негоже слугам
лезть в их дела.

Почувствовав смятение хозяйки, Катарина осмелилась
пробормотать:

– Миледи, позвольте, я уведу Ноэля?

Малыш давно наелся и теперь играл с оставшимся в тарелке
горошком. В этот раз горошек изображал вражеских солдат, то и дело
норовивших удрать из-под всесильной вилки могучего полководца. А

тот шепотом комментировал свои действия, посылая самого себя в
бой, и сам же отвечал за испуганных вражеских солдат.

– Уведи, – благодарно выдохнула Дея.

Да, Ноэлю не стоит видеть и слышать все это.

Едва служанка и мальчик покинули столовую, Дея заговорила:

– Как вы смеете обвинять меня во лжи при моем ребенке? У вас есть хоть что-то святое?

Ее голос дрожал от эмоций, пальцы нервно крутили вилку, хотя она давно перестала есть. Просто кусок в горло не лез под тяжелым, изучающим,

почти издевательским взглядом мага.

– Было, – лаконично ответил тот. – Когда-то у меня было то, что я мог бы назвать святым. Но у меня это отняли. А ты отняла единственную возможность соединиться с тем, что мне дорого.

Он не усмехался. Его глаза цвета зимнего неба смотрели серьезно и

сосредоточенно.

– Если бы я знала, что вы не хотите жить, то не стала бы вас спасать! – кинула Дея в сердцах.

– Сомневаюсь, – Йеванн покачал головой. – Ты не умеешь управлять своим Даром, он управляет тобой, это проблема всех светлых. Ты будешь бежать на помощь каждому, даже тем, кому твоя помощь не нужна. Поверь, мне она была не нужна. Я хотел умереть, но ты забрала у меня эту возможность.

Он ее обвиняет?! В том, что спасла ему жизнь?!

Дея с глухим раздражением бросила вилку. Та со звоном упала на стол.

– Если вам так ненавистна жизнь, что же мешает покончить с нею прямо сейчас? Давайте! Я даже помогу. Вам кинжал подать, яд или веревку намылить? Выбирайте!

Вот теперь он усмехнулся. Только невесело.

– Глупая. Ты сама не знаешь, что говоришь.

– Так объясните! Хватит загадок! Я хочу знать, за какие грехи наш

император осчастливил меня таким мужем, как вы!

Казалось, ее гнев развлекает его. Дея могла бы поклясться, что Йеванн наслаждается их пикировкой. Едва не облизывается, как сытый кот, играющий с мышью.

– Я уже говорил. Венарий уверен, что наш ребенок будет обладать особыми силами.

– Но почему именно я?! У него на службе достаточно сильных целительниц!

– Не догадываешься?

– Нет, и даже не собираюсь. Мне надоели ваши намеки!

Она поднялась. Так резко, что едва не перевернула бокал с водой.

– Сядь.

Тихо. Бесстрастно.

Но Дея упала на стул.

В тихом голосе Йеванна прозвучало столько силы, что сопротивляться

ей было бессмысленно.

– Разговор еще не окончен, – в его глазах сверкнула холодная сталь. Этот человек с такой внезапностью переходил из одного эмоционального состояния в другое, что это пугало девушку и сбивало с толку. Она не могла приспособиться к этому. – Если ты так глупа, что не смогла сама догадаться, то я объясню. Я был мертв, моя душа отлетела, ты нашла ее и вернула. Все просто. Только своей бессмысленной помощью ты пробудила мою демоническую часть. Теперь я живой и здоровый. Хожу, говорю, ем, оправляю естественные потребности. Мыслию. Но мой демон привязан к тебе. Я не могу умереть, пока ты жива. Но и ты не умрешь, пока я живу. Наши жизни и души связаны. Ты сама это сделала. Теперь понимаешь?

Голос мужчины упал до рычащего шепота. Этот тихий утробный рык – рык пробужденного демона – прокатился по Дее внутренней дрожью, заставил все внутри похолодеть, а кожу покрыться мурашками.

Даже волосы на затылке встали дыбом.

Дея замерла, глядя ему в глаза, загипнотизированная вспыхнувшим в них черным пламенем и багровыми искрами. Искры плясали, кружились, складывались в фантастические фигуры, завораживали,

завлекали в чуждый неведомый мир...

И она поняла.

Он не все ей сказал, посчитал, что и этого будет достаточно. Ни к чему женщине знать то, что поможет ей манипулировать мужчиной. Впрочем, если она не глупа, то сама догадается. Сопоставит все факты.

И она сопоставила.

Глава 7

Йеванн остался внизу, в столовой. Дея не знала, где ему постелить, ведь в доме кроме ее собственной спальни, комнаты Ноэля и Катарины спать было негде. Но маг с кривой усмешкой заявил, что

«госпожа ворожея» могут не беспокоиться. Мол, ему не привыкать к походным условиям и ночевкам на полу в господских домах.

Последняя фраза неприятно кольнула.

– В гостиной есть диван, – резко заметила Дея, – правда, для вас
он будет коротковат, но это лучше,
чем спать на полу.

– А в свою кровать ты меня, значит, не приглашаешь?

Это было сказано с явной издевкой. И взгляд такой раздевающий, жадный,
прошелся по ней, опаливая открытую кожу.

Дея почувствовала, что снова краснеет, и это разозлило ее еще больше.

– Даже не думаю, – отрезала, тряхнув головой.

– Жаль, очень жаль. Ты не знаешь, от чего отказываешься, моя милая вдовушка.

– И знать не хочу!

Развернувшись, она направилась прочь. Взгляд Йеванна буравил ее затылок, пока не закрылась дверь столовой, отрезая их друг от друга.

Только тогда Дея поняла, что задыхается, а сердце колотится, как сумасшедшее, словно хочет выпрыгнуть из груди. Внутри бурлили непонятные, неподвластные ей эмоции. Незнакомые, и от того пугающие.

Этот мужчина странно действует на нее. Он ее провоцирует. Но зачем?

Она не знала ответ на этот вопрос, и знать не хотела. Все, что сейчас ей нужно, это забиться в угол, где ее никто не найдет, и спокойно
обдумать все, что случилось.

А подумать было над чем.

* * *

Дея не рискнула остаться на ночь в своей спальне. Быстро приняв ванну, уже приготовленную служанкой, переоделась в простую сорочку с рюшами, накинула сверху сатиновый пеньюар и на цыпочках

пробралась в комнату к сыну.

– Миледи, я постелила господину Райсу в гостиной, но он все еще сидит в столовой и пьет, – с опаской прошептала Катарина, едва Дея вошла. – Уже вторую бутылку!

– Замечательно, – буркнула Дея, – надеюсь, он лопнет.

И тут же мысленно отругала себя. Он же сказал: умру я – умрешь ты! Как можно такое забыть!

– Иди, – махнула служанке.

Ноэль уже спал в обнимку с серым плюшевым зайцем – мистером Прыгуном.

Заяц выглядел безобразно: выдавший виды, с потертым на пузе плюшем, пуговицами вместо глаз, и оторванным ухом, вместо которого Дея выкроила новое из голубого вельвета. Но этот заяц был любимой игрушкой Ноэля. Единственной, что подарил ему отец. Единственной, что она захватила с собой, когда бежала с сыном из Иллурии.

Иногда Дея сама брала мистера Прыгуна и утыкалась носом в его облезлое пузо. Ей казалось, что она слышит запах Бертрана. Запах его рук, пахнувших лимонником и кельдернскими каплями.

Поцеловав сына, она присела на софу и сжала руками виски.

В углу стояли два саквояжа и один туго набитый баул с его вещами. Катарина уложила все, включая игрушки.

Дея хмыкнула, глядя на них.

Оказалось, у Ноэля приданого куда больше, чем у нее. И откуда что взялось? Ах да, она ведь сама ему шила. И батистовые рубашечки, и суконные штанишки на помочах, и бархатные курточки с лакированными

деревянными бусинами-пуговицами.

Все это можно было купить. Но Дея нарочно заваливала себя работой, ночи напролет сидела за шитьем, даже если не было заказов. Лишь бы забыться, не думать о прошлом, о собственной невольной вине.

Но совесть отказывалась молчать.

Каждый раз глядя на сына, Дея вспоминала, что это ее вина. Она виновата, что у него нет отца.

Конечно, можно обвинять дознавателей, императора, судьбу, да хоть саму Праматерь Эолу – это ничего не изменит.

Йеванн прав. Это она своей никому не нужной помощью убила Бертрана. Она привела дознавателей в дом. Она своими руками сделала себя вдовой, а сына – сиротой.

А теперь этот темный маг станет ей вечным укором.

– Вы правы, сударь, – прошептала Дея, чувствуя, как по щекам текут теплые слезы. – Мой Дар принес столько зла. Если бы я умела управлять им, как темные, то не бросалась бы на выручку к каждому. Прошла бы мимо вашего трупа, и сейчас мой муж был бы жив...

Легкий скрип половиц заставил ее встрепетаться.

– Кто здесь? – выдохнула, нервно сжимая ворот пеньюара.

Последнее время магические светильники были Дее не по карману. Единственная свеча на столе освещала только центр комнаты, углы тонули в полумраке. Затухающие угли в камине тоже не давали много света.

Снова скрип. Будто кто-то крадется.

Дея сглотнула. Ей показалось, что она видит крупную тень, упавшую на стену.

Но Катарина прикрыла дверь, когда уходила. Окно тоже закрыто. Кто мог пробраться сюда незаметно? Или это глупые шутки Йеванна Райса?

Он решил ее запугать?

Да, наверняка это его темные штучки!

Схватив подушку, Дея запустила ее туда, откуда послышался скрип.

– Сударь! – прошипела, пряча испуг за злостью. – Вы ведете себя как мальчишка!

Ответом ей была тишина. А потом на окне дрогнула занавеска.

Дея могла бы в этом поклясться!

Она схватила вторую подушку и медленно поднялась.

– Йеванн? – позвала дрогнувшим голосом. – Это уже не смешно...

Что-то большое и темное бесшумно метнулось к ней. Порыв ледяного ветра ударил в лицо, взметнул распущенные волосы. Перед глазами мелькнуло лезвие. Темное, как сама ночь, изогнутое, словно серпик

луны.

Дея наотмашь ударила тень подушкой и завизжала.

* * *

Оставшись один, Йеванн закинул обутые ноги на стол, а сам откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову. Взгляд дознавателя уперся в бокал, на дне которого оставалось немного хмельного напитка.

Проклятое пойло.

Сколько ему нужно выпить, чтобы почувствовать хмель? Бочку?

Две? Он так и не смог это выяснить за последние два года.

Раньше все было проще. Раньше у него была нормальная человеческая жизнь, если это можно так называть. Дом, семья, простые радости, вроде стаканчика пунша по выходным.

А теперь?

Теперь он не может даже выпить, чтобы не думать, не видеть, не вспоминать...

Проклятая ворожея! Что она сделала с ним? Зачем вернула? Разве он

просил об этом?

Йеванн вполголоса выругался и сжал бокал.

Теперь он не живет, а существует. И каждый вздох, каждый удар сердца

причиняет невероятную боль.

Боль... вот и все, что он сейчас чувствует. Он привык к ней, как привыкают к чему-то неотвратимому. Сросся. Почти сроднился. Он уже не знает, как это – жить без нее. Дышать свободно, а не так, словно вдыхаешь огонь. Почувствовать вкус еды и напитков, испытывать удовлетворение от обладания женским телом, чего-то желать...

Его пальцы сжались в кулак, сминая бокал, словно бумагу. Он не услышал, почувствовал, как тихонько тренькнул стекло в ладони. Впитал в себя этот звук, пропустил через кожу.

Разжал пальцы.

На стол осыпались осколки стекла. Часть застряла в ладони. Порезы быстро наполнились кровью, но маг не почувствовал боли. Все затмевала другая боль. Та, что разъедала его изнутри.

Пара секунд – и кожа срослась. Перепачканные кровью осколки остались лежать на ладони. Даже сейчас, когда догорела последняя свеча, а за окном опустились поздние сумерки, Йеванн прекрасно видел самые мелкие из них.

Острое зрение – одна из привилегий, дарованных его демоном.

Вкупе с мгновенной регенерацией и звериным чутьем.

Вернувшись с того света он стал чем-то большим, чем человек.

Чем-то более могущественным, чем маг.

Но плата за это оказалась непомерно велика.

Он огляделся в поисках третьей бутылки. Та обнаружилась на буфете, в нескольких шагах от стола.

Йеванн уже поднимался, когда его слуха достигла легкая вибрация, прокатившаяся по потолку...

Там, наверху, комната мальчишки. Прямо над столовой. Он понял это еще утром, едва войдя в дом. Почувствовал, как через полчаса после ужина туда вошла Дея. Слышал ее шаги, не ушами, а тем самым звериным чутьем, что свойственно только диким животным и демонам.

Если бы Йеванн захотел, то мог бы услышать, что она говорит служанке. Не захотел. Но вовсе не из-за внезапно проснувшегося благородства, просто догадался: ничего хорошего о себе не услышит, а гадости... что ж, он их заслужил.

Вибрация повторилась.

Маг медленно встал, правая рука инстинктивно легла на эфес, торчавший из-за плеча.

Там, наверху, кто-то был.

И этот кто-то не Дея, не горничная, и уж точно не мальчуган.
Кто-то

чужой, от кого веет смертью.

А потом он услышал крик.

* * *

Дее казалось, что время застыло. Растянулось в немыслимую бесконечность. Разделило мгновение на «до» и «после».

В этом «до» была тень убийцы, что бросился на нее с ятаганом, а в «после» – звук разбитого стекла, удар снега в лицо, жуткий вой...

И еще одна тень. Огромная, рычащая, словно лев или тигр. Кто бы это
ни был, но такие звуки не могло издавать человеческое горло!

Эта тень ворвалась в окно в мгновение ока. Как раз в тот миг, когда ятаган убийцы описал полукруг, вспарывая подушку, словно та была набита воздухом, а не пухом, и замер у ее горла...
Убийца
навалился на девушку всем телом.

Дея успела понять, что он в маске и капюшоне, из-под которых виднелись только глаза. Холодные, безжалостные глаза наемного убийцы.

Она вжалась поясницей в высокий бортик кровати, понимая, что отступить больше некуда. За спиной – только кроватка сына. Вскинула руки в защитном жесте.

И зажмурилась.

А потом раздался отвратительный чавкающий звук... Глухой удар, будто что-то упало на пол, и Дея поняла, что может дышать. Ее больше никто не держит.

Она с опаской открыла глаза.

На полу лежало безголовое тело. По виду – мужское, в одежде из странной, поглощающей свет ткани. Голова валялась отдельно. Ее будто снесло одним ударом меча. Упав, она по инерции откатилась на пару шагов и оставила за собой алый след.

Дея медленно перевела взгляд обратно на тело. Из обрубка шеи толчками хлестала кровь. С каждой секундой ее становилось все больше. На светлом ковре разливалось кровавое море.

А потом из тени шагнул Йеванн Райс.

Спокойный, без единого проблеска эмоций на лице. Наклонился, не торопясь, и вытер окровавленный меч об одежду трупа. Вернул его
в
ножны и только тогда соизволил глянуть на Дею.

У той подкосились ноги. Она ухватилась за бортик кровати дрожащими
пальцами и поняла, что сползает на пол.

– Что... что это было?.. – пробормотала, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Кровь. Слишком много крови для одной маленькой ворожеи. Понимание, что едва избежала смерти, обрушилось на нее леденящей

волной. Желудок перевернулся и попросился наверх...

– Это даранх.

Йеванн произнес незнакомое слово так, словно она должна была знать, что оно значит.

Он стянул с отрубленной головы капюшон и маску, что закрывала лицо убийцы до самых глаз. Поднял за волосы.

Дея с оторопью наблюдала за его действиями. Ей казалось, что она
спит, а все это – кошмарный сон.

На ее глазах дознаватель принялся к голове и удовлетворенно добавил:

– Так я и думал. Никчемное существо.

– Ни... ни... никчемное? – выдавила она с третьего раза. – Он же
пытался убить меня!

– Как видишь, у него это не вышло. Я быстрее.

Ятаган, что выпал из рук даранха, поблескивал на полу рядом с трупом. Дея заворуженно уставилась на него.

– Кто он такой? – не сказала – прошелестела, еле двигая непослушными
губами.

– Низший демон.

– Демон? – эхом повторила она. В полной прострации посмотрела
на Йеванна. – Вы привели в мой дом демонов?

Глава 8

У мертвеца оказалась желтая, будто пергамент, кожа и лисьи черты лица. Короткие жесткие волосы странного цвета. Вроде черные, но при этом блестящие, глянцевые. Острые уши и маленькие, едва выглядывающие
из волос, рожки.

Именно на них уставилась Дея, осознав, кто, вернее, что перед ней.

– Ну, вообще-то я не рассчитывал, что этот появится так быстро,

да еще прямо сюда. С предыдущим я расправился всего день назад, – заметил Йеванн, задумчиво попинав мертвое тело. – И точно знаю, что зачистил за собой все следы.

Ловким броском он закинул голову в потухший камин, потом нагнулся

над телом и быстро обыскал его.

– Интересно... – пробормотал, не глядя на Дею, – ему нужна была ты или твой сын? Хотя, скорее всего, что ты. Но вряд ли он собирался тебя убивать... Может, использовать против меня? Впрочем, это уже не важно, он мертв, а мы все целы и невредимы.

Маг подобрал с пола оружие несостоявшегося убийцы, а затем точным ударом вспорол тому грудную клетку.

Дея охнула. Инстинктивно зажала ладонью рот. С трудом удержала

рвотные спазмы.

А Йеванн, слегка поморщившись, засунул руку во внутренности демона.

– Нужно вырвать сердце, чтобы окончательно развоплотить даранха,

– пояснил он свои действия.

И поднял руку.

На его ладони куском черного оникса лежало сердце демона. Оно продолжало пульсировать. Медленно, почти незаметно. И вопреки всем законам бытия оставалось живым.

Йеванн сжал пальцы и вонзил в сердце ятаган.

Короткий звук, будто где-то лопнула натянутая струна, и невидимая магическая волна прокатилась по комнате. Впиталась в стены и пол, обдала Дею легким теплом...

Та забыла, что нужно дышать.

На ее глазах сердце демона осыпалось пеплом. Его труп и голова начали истончаться, пока не превратились в слой пыли. Всего один нервный выдох – и неизвестно откуда взявшийся ветерок развеял прах, не оставив от него и следа...

Дея осталась сидеть, глядя, как превращается в пыль и исчезает кровавая лужа. Это невозможно было объяснить чем-то еще, кроме магии.

Наконец, девушка отмерла.

– Вы... – выдохнула, медленно поднимаясь. – Вы привели в мой дом демона...

Дея не спрашивала – утверждала. Слова Йеванна осели в ее душе вместе с прахом развоплощенного даранха.

– Вы знали, что он придет! Знали!!!

Вскочив, она разъяренной тигрицей бросилась на дознавателя.

В тот момент ей хотелось убить его. Разорвать. Вытрясти всю проклятую
душу из этого тела.

Как он посмел? Привести в ее дом убийцу! Подвергнуть опасности ее сына и ничуть не жалеть об этом! Ни единого проблеска вины, ни единого всплеска совести в бесстрастных глазах. Правду же говорят, что дознаватели – бездушные твари. В них не осталось ничего человеческого!

Он схватил ее за запястья. Легко, словно игрушки или дразня. Удержал в полуметре от себя, с интересом натуралиста разглядывая искаженное гневом лицо ворожеи.

Дея забилась, пытаясь вырваться. Но хватка была очень крепкой. Тогда она, рыча, стала брыкаться, надеясь достать его ногами. Почти попала по голени, но Йеванн и тут оказался на шаг впереди. Развернул ее спиной к себе, прижал так, что она оказалась спеленатой собственными руками.

Теперь она чувствовала спиной жар его тела, а ягодицами еще кое-что. И это кое-что отреагировало на нее по-мужски.

– Вы мерзавец, сударь! – выплюнула она. – Отъявленный негодяй!

– Так меня уже называли, – лаконично заметил маг. – Ты не слишком оригинальна.

– Подлец! Вы знали, что он придет! Это существо! Знали и воспользовались моим сыном как наживкой!

– Ну, вряд ли ему нужен твой сын. Я больше чем уверен, что мишенью была именно ты. Да стой уже спокойно! – и он хорошенько встряхнул ее. – Ты же не хочешь разбудить своего ребенка?

Нет, этого Дея не хотела. А потому перестала вырваться.

Замерла, вытянувшись всем телом в руках дознавателя. Прошипела:

– Зачем этому... этому существу нападать на меня? Что ему нужно от меня?

– Я.

– Вы? – она оглянулась. – Но почему он напал на меня? Откуда знал,

что я приду к сыну? Почему не напал в моей спальне?

– Слишком много вопросов, – Йеванн покачал головой. – Нам лучше вернуться в столовую, к тому же я не допил свое вино. За сына не переживай, он до утра не проснется.

Сейчас его лицо было так близко, что Дея внезапно отметила усталые морщинки, что залегли у него на лбу и возле глаз. А он, оказывается,

не так уж и молод...

Сегодня утром ей показалось, что ему двадцать пять, а теперь можно

дать на десять лет больше...

Хотя, что это она. Маги очень долго живут. Полукровки и того больше. И практически не стареют. Этому Йеванну может быть и тридцать, и все сто. Но в одном она точно убеждена: у него глаза не мальчишки. Глаза хищника. Безжалостного и смертельно опасного.

И в то же время, в его словах был резон. Поэтому она решила не спорить, а согласилась коротким кивком.

* * *

В столовой Йеванн по-хозяйски залез в буфет, достал бокал и до краев

наполнил вином. Сунул ворожее в руки и приказал:

– Пей. Тебе это нужно.

Только теперь она поняла, что дрожит. Ее тело трясло, как в лихорадке.

Дрожащими руками Дея поднесла бокал ко рту. Зубы клацнули о стекло, тоненькая струйка потекла по подбородку.

– Тише, вот так, – прошептал маг, придерживая бокал. – Это скоро

пройдет...

Что именно пройдет и как скоро он не стал уточнять, а Дея не стала

спрашивать.

До этого она демонов не встречала, ни высших, ни низших. И очень мало знала о них, ведь в приюте Праматери девушкам не

преподавали науки. Считалось, что слишком развитый ум только вредит хорошей жене.

Ее учили читать, писать и считать, чтобы вести домашнюю бухгалтерию. Учили рукоделью, игре на клавесине и арфе, и пению, чтобы она могла развлекать гостей и супруга. Учили варить мыло и делать заготовки на зиму...

Но история и взаимодействие рас не входили в перечень, обязательный для изучения.

Так, краем уха, она слышала, что помимо Иллурии, Шенвейса и других человеческих государств существует еще одно. Альдарик. Город Демонов – так его называли простые люди. Туда очень трудно войти и почти невозможно выйти.

В слухах, что передавались шепотом из уст в уста, говорилось, что этот город не отмечен ни на одной человеческой карте. Он скрыт силой, что не подвластна самым могущественным человеческим магам. А еще, что он расположен далеко на юге, там, где пустыня и горы переходят в океан, океан – в бескрайние льды. И где-то там в этих льдах стоит город-крепость, город-государство, империя демонов

– Альдарик.

Все это проскочило в памяти Деи за долю секунды.

А потом она вспомнила о разбитом окне и встrepенулась.

– Я поставил временную заплатку, – ответил Йеванн еще до того, как она успела что-то сказать. – И полог тишины.

– От... откуда вы знаете мои мысли?

– Они у тебя на лице. Впрочем, ты же совсем не это хотела спросить?

– Мы должны немедленно уезжать! – пробормотала она. Ее охватил запоздалый ужас от мысли, что они с Ноэлем чудом избежали смерти.

– Здесь опасно! Если этот даранх пролез, то придут и другие!

– На доме защита. До восхода ни один демон сюда не войдет, а на рассвете мы уедем.

– Что-то ваша защита не слишком нам помогла!

– Ее просто не было. Признаю, это мой просчет.

– Признаете? – она даже привстала, решив, что ослышалась. – И так спокойно говорите об этом? Меня чуть не убили!

– Ну не убили же? – он хмуро посмотрел на нее. – Я уже сказал, что не рассчитал немного. До сегодняшнего случая эти твари появлялись раз в неделю, причем поодиночке. Пытались подловить меня то в подворотне, то ночью во время сна. Но только когда я оставался один. Я не ждал, что кто-то из них обнаглеет настолько, чтобы напасть на тебя.

– Это, видимо, извинение? – едко уточнила Дея.

– Воспринимай, как хочешь.

Дея отставила наполовину пустой бокал. Вытерла подбородок. Разговор предстоял серьезный, а ей хотелось иметь светлую голову, не затуманенную

сладким виноградным нектаром.

Вино разогнало кровь, и девушка понемногу начала согреваться. В жилах все еще бродил гнев, подкрепленный алкоголем. Сидящий напротив маг казался ей ненавистным. Причиной всех ее бед. Но Дея считала себя благоразумной девушкой, ведь как иначе молодой и симпатичной вдове выжить одной с ребенком в мире, где столько соблазнов

и столько опасностей...

Она понимала: им нужно поговорить. Они оба оказались загнанными в глухой угол. Привязанными друг к другу без права разорвать эту связь.

Теперь враги Йеванна станут ее врагами, убийцы, что охотились на него, придут и за ней. Без его защиты она станет легкой мишенью.

А

у нее...

У нее нет никого, кроме него.

Печально, но факт. Она полностью в его власти. И даже если сбежит

– ничего не изменит, только

сделает хуже.

Судьба, наверное, посмеялась над ней, когда привязала к темному магу...

- Вы сказали, что это не первый демон, что следует за вами. И что вас могу шантажировать мной... Это связано с тем, что вы говорили раньше?

О вашем пробудившемся демоне и моей связи с ним?

Он ухмыльнулся.

– Поздравляю, ты умнее, чем кажешься.

– А вы еще отвратительнее, чем можно представить! –

процедила в отместку. – Зачем они хотят вас убить? Это же демоны

Альдарика?

– Ну... чтобы это узнать, нужно спросить у них. Но ни один из тех, с кем мне пришлось столкнуться, не захотел раскрывать секреты. Поэтому я их просто убил.

– То есть, вы не знаете, что им от вас нужно?

– Нет.

Он ответил так флегматично, что Дея ни на миг не поверила.

– Врете.

– Скажем так, чего-то недоговариваю.

– Чего?

Он вздохнул и, игнорируя бокалы, приложился к горлышку бутылки.

Дея ждала, прожигая его гневным взглядом.

– Есть у меня подозрения, – наконец, произнес он нехотя. – Необоснованные, конечно. До Венария дошли слухи, что Шиарх – Владыка демонов – умер, не оставив наследника. Род прервался. Три главенствующих клана Альдарика начали борьбу за трон.

– И? Какое это имеет отношение к вам, сударь?

– У них возникла проблема. В Альдарике находится источник магии. А трон это не просто кресло для правителя, а древний артефакт, позволяющий управлять этой магией. И он не примет новую кровь, пока жив хоть один потомок правящей династии – кто-то, в ком течет хотя

бы капля королевской крови.

– Значит, вы думаете, что в вас течет кровь Шиарха? – догадалась она.

Йеванн внимательно посмотрел на девушку, решая, стоит ли раскрывать все карты или лучше придержать туза в рукаве. Сейчас они вместе, да, по разные стороны баррикад, и в то же время связанные прочнее, чем можно себе представить. Связанные душами, а это узы, которые не способна разорвать даже смерть. Уж он-то знает. Пытался.

– Я не знаю своей родословной, – признался. – Даже не подозревал о демонической сущности, пока она не проснулась. По всем признакам, если у меня и есть демоны в роду, то в поколении пятом-шестом, не позже.

– Вы уже убедились, что они у вас есть! – буркнула Дея.

– Убедился, – Йеванн невесело усмехнулся. – Но после того как ты вернула меня, все изменилось. Я изменился.

«Убивая других, я становлюсь все сильнее... Это тайна, о которой не знает никто. Даже Венарий...»

Этого он не стал ей говорить. Хватит, и так сказал слишком много. Женщинам нельзя доверять секреты, их рты предназначены чтобы болтать... Хотя... прелестным губам его ворожеи можно найти и другое занятие...

– И что нам теперь делать? – голос Деи прервал его мысли. – Они ведь не отстанут от вас? Будут идти по следам, пока не убьют...

– Хватит уже мне «выкаты», – он вздохнул, решив, что помечтает потом. – Мы муж и жена. Да, без венчания и брачной ночи, но муж и жена.

Дея проигнорировала его замечание. Решила, что лучше держать дознавателя на расстоянии. И ни в коем случае не пускать его в душу.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Он пожал плечами, потом перевел взгляд на часы, стоящие на буфете. Стрелки показывали полночь.

– До рассвета еще шесть часов. Предлагаю поспать.

– Поспать? Вы думаете, я смогу уснуть после такого?!

– Хорошо. Можешь не спать. – Йеванн поднялся. Настырная женщина порядком его утомила. Он и не думал, что будет так сложно. – А я вот поплю часок. Если не возражаешь.

– Возражаю!

Дея сама не знала, откуда в ней взялась это прыть. Маг обернулся и изумленно посмотрел на нее.

Его взгляд обежал ее с головы до ног и обратно. Задержался на груди, потом на губах.

От этого взгляда Дею кинуло в жар. В горле вдруг пересохло. Она схватилась

за спинку кресла, чтобы
устоять на ногах.

Да что с ней происходит?

Видимо, на ее лице отразилось что-то такое, от чего в глазах
темного вспыхнули огоньки. Губы дознавателя раздвинула
понимающая
усмешка.

– Неужели? – почти промурлыкал он, делая шаг в ее сторону. –
Моя скромная вдовушка передумала насчет брачной ночи?

– Да что вы себе!..

Она не успела ни договорить, ни оттолкнуть его руки.
Он оказался быстрее.

Один ее вдох, один удар сердца – и она попала в ловушку
стальных
объятий.

От Йеванна разило вином. Но в его злых глазах не мелькнуло ни
грамма хмеля. Он был абсолютно трезв.

– Не нужно со мной играть, – прорычал ей в самые губы. –
Придержите ваши женские штучки!

– Мамочка? – прозвучал от двери тоненький голосок. – Ты
расскажешь мне сказку?

На пороге стоял заспанный Ноэль, босой, в ночном платье, и
тер глаза.

Дея охнула.

Руки Йеванна тут же разжались.

Застыв мрачной статуей, он смотрел, как его жена-недотрога
подбежала к ребенку. Опустилась перед ним на колени и прижала к
себе.

– Да, мой милый, – раздался ее нервный шепот. – Конечно же,
расскажу.

Дверь закрылась.

Она снова сбежала. Женщина, что сама того не ведая, сделала его
своим
рабом.

Женщина, которую он ненавидит и хочет одновременно...

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/istoriya-odnoi-nelyubvi-b192327>